Старое платье королевы

Автор:
Кира Измайлова

Старое платье королевы

Кира Алиевна Измайлова

Колдовские миры

Эвина Увдир – сирота с рождения. Она не знает, кем был ее отец: мать уверяла окружающих, будто офицером, но как проверишь?

Она любит помечтать, но не в ущерб учебе: в пансионе ее держат только по милости пожилой директрисы, учившей еще мать Эвы. А еще Эва понимает: до выпуска осталось всего ничего и вскоре ей придется самой зарабатывать себе на хлеб. Хорошо, если директриса составит протекцию и устроит к знакомым или даже оставит в пансионе, а если нет?..

Но чудеса все-таки случаются, и Эва не может поверить своим ушам: ее отыскал отец и прислал своего поверенного! И ехать нужно немедленно: отец при смерти – старые раны вот-вот сведут его в могилу, а он мечтает увидеть дочь перед смертью.

И почему же Эве чудится подвох в этой истории, так похожей на любимые ею и настрого запрещенные в пансионе романы? Быть может, чудо окажется вовсе не добрым?..

Кира Алиевна Измайлова

Старое платье королевы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Измайлова К. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Время сумерек – особенное. В сказках говорится, что именно в сумерках оживают чудеса. Не ночью, вовсе нет: тогда наступает законное время чудес, когда они властвуют безраздельно, только люди их не замечают. А вот граница ночи и дня, когда солнце еще не скрылось за горизонтом, но вечерние тени уже длинны и густы, – это те самые минуты, когда можно повстречаться с чудесами лицом к лицу.

Жаль, в нашем пансионе ничего подобного днем с огнем не сыщешь. Нет ни запертых комнат, в которых спят старые пыльные зеркала, отражающие будущее, прошлое и даже иные миры, ни палисадника, где можно заглянуть под куст сирени или в мышиную норку и обнаружить нечто удивительное. Кругом только камень да чахлые городские деревья, заключенные в чугунные решетки, словно арестанты. Время от времени нас, пансионерок, возят на прогулку в ботанический сад или даже за город, но разве можно отлучиться хоть на минуту, когда за тобой коршуном следит классная дама? Да и что это за прогулка: парами, рука об руку, по тропинкам…

Мне порой воображалось, как я убегаю в дремучий лес и брожу там босая по мягким мхам и шелковистым травам сколько заблагорассудится, собираю душистую землянику и лесную малину, срываю цветы… Конечно, это были лишь мечты. Никаких дремучих лесов в округе давным-давно нет, а в чахлых рощицах, я слышала, ягод и не найдешь: первыми до них добираются деревенские дети, а чужаков, пришедших за их добычей, они могут и побить. И босиком мне доводилось ходить разве что по холодному полу общей спальни, в лесу же я непременно распорола бы ногу о какой-нибудь сучок.

Но мечты есть мечты: в них жили прекрасные олени с добрыми темными глазами и бархатными носами, веселые птицы, забавные белки и зайцы, хитрые лисы и даже суровые хозяева леса – волки и медведи, которые предпочитали держаться подальше от людей, но могли заступиться за несправедливо обиженного…

Я вздохнула и перевернула страницу: оставалось решить две задачи, вот и вся моя повинность на сегодня. Остальные тоже корпели над уроками: слышались тяжелые вздохи и – клянусь, не лгу! – проклятия в адрес учителей.

Домашние девочки – так у нас называли тех, кто каждый день уходил из пансиона, отсидев занятия, – наверняка готовили уроки при уютном теплом свете ламп. Наверно, многим старые служанки или добрые бабушки приносили что-нибудь вкусное – скрасить тяготы учебы. А может, даже помогали, кто их разберет, этих бабушек с дедушками?

Мне не требовалась помощь, но мечты – мечты не оставляли меня, даже когда я выводила в тетради математические формулы и чертила пирамиды с цилиндрами, и воображение уносило далеко-далеко, стоило лишь представить, как сию минуту распахнется крашенная белой краской дверь, кто-нибудь позовет меня с порога и я устремлюсь навстречу чуду…

Дверь со скрипом отворилась, и горничная окликнула:

– Госпожа Эва! Пожалуйте к госпоже директрисе, и поскорее!

– Но что слу…

– Я слышала, ваш отец нашелся, госпожа Эва, так что поторопитесь! – громким шепотом ответила она, и классная комната загудела, будто разбуженный улей. Даже задремавшие над учебником древней истории девочки встрепенулись, сна как не бывало! Еще бы: все знали, что отец мой погиб на войне!

– Но как такое может быть? – растерянно спросила я.

– Не знаю, но поспешите, поверенный ждет – такой важный… – Мика, великая сплетница, причмокнула от избытка чувств и добавила, явно для остальных: – Похоже, госпожа Эва, отец ваш – знатный господин… Я видела карету…

Мои однокашницы бросились к окнам: если встать на подоконник, то можно рассмотреть что-нибудь за углом, возле подъезда, где останавливаются гости.

– Уже иду, – сказала я и принялась складывать книги, но они валились из рук. – Сию минуту…

– Оставьте, госпожа Эва, велено привести вас как можно скорее. – Горничная взяла меня за плечи и развернула к двери. – Не убегут ваши книжки с тетрадками!

Уже в коридоре Мика быстро пригладила мне волосы, поправила воротничок и манжеты, одернула платье и вздохнула, увидев чернильное пятно у меня на ладони.

– Идемте, госпожа, – сказала она. – Этот господин ждать не будет, у него много дел, сразу видно: все на часы смотрит, наверно, опоздать куда-то боится.

– Мика, но… откуда он взялся? – спросила я, едва поспевая за размашистым шагом рослой горничной. – Так же не бывает!

– Ни у кого не бывает, а у вас, госпожа, одни сказки на уме, вот, наверно, Богиня и сжалилась – сделала одну такую правдой, – скороговоркой ответила она. – Нет, а что такого? Если вас приодеть, причесать как следует – выйдет знатная девица не хуже прочих! И матушка ваша была красивой, я слышала, сама-то не застала…

До кабинета директрисы оставались считаные шаги, и мне не хотелось туда входить. Было страшно.

Однако Мику мои переживания не волновали: она приоткрыла тяжелую дубовую дверь, коротко присела, едва обозначив поклон, – так делали все горничные, – и доложила скороговоркой:

– Госпожа Увве, воспитанница доставлена.

– Хорошо, пока можешь быть свободна, – кивнула ей директриса и поманила меня к себе. – Подойди, дитя мое…

Я подошла, не забыв приветствовать ее и гостя приличествующим случаю реверансом, и замерла в ожидании.

– Вот, господин, это и есть Эва Увдир, – произнесла директриса, взглянув на незнакомца.

Он был небольшого росточка, вряд ли выше меня (хотя сложно судить по человеку, утонувшему в таком кресле), полным, но не толстым, крепко сбитым. Короткие светлые волосы он причесывал на косой пробор. На мягком округлом лице выделялся забавно вздернутый нос, а бровей, мне показалось, у гостя вовсе нет, так, едва заметный намек на них. Зато губы были пухлыми и красными, и он часто облизывал их.

– Фамилия, как я понимаю, не настоящая? – спросил он.

– Я ведь уже сказала вам, господин…

– Полагаю, вас не затруднит повторить? Может быть, девушка внесет какие-то коррективы в вашу историю?

– Как вам угодно. – Госпожа Увве выпрямилась, хотя, казалось, сильнее уже некуда, и поджала тонкие губы. – Мать Эвы была воспитанницей нашего пансиона. Сирота, дочь погибшего на войне офицера, как мы полагали.

«Совсем как я», – мелькнуло в голове.

– Вы полагали?

– Да, так утверждала ее мать, и документы были в порядке… на первый взгляд, а проверять никому и в голову не приходило до тех самых пор, покуда эта несчастная женщина исправно платила за обучение и содержание дочери.

– И что потом?

– Случилась вспышка заразной болезни в том местечке, где она жила, и… – Госпожа Увве развела руками. – Плата перестала поступать. Моя предшественница навела справки и выяснила чуть больше, чем следовало бы.

– Вы об этом не упоминали, – заметил толстячок. Он не смотрел на меня прямо, не замечал, словно я была вешалкой или там половичком возле двери, но я все равно ощущала его внимание, обращенное ко мне. Удивительно странное и неприятное чувство. – А я ведь просил быть честным со мною.

– Я была более чем откровенна, – отрезала она. – Но не вдавалась в детали.

– Вы уверены, что девушке следует слышать о подобном?

– Она в курсе, – сказала директриса, взглянув на меня, и я потупилась. Конечно же, я знала правду с самого раннего детства, знала и молчала. – Итак, госпожа Ивде – она была крайне дотошна – выяснила, что мать осиротевшей воспитанницы никогда не была замужем, а бумаги, в том числе брачное свидетельство и свидетельство о рождении девочки, – искусная подделка. Очевидно, несчастная женщина потратила все, что у нее имелось, лишь бы обеспечить дочь документами, с которыми ей была открыта дорога в хороший пансион. Ну а на оплату зарабатывала как могла…

– Наверно, при девушке говорить о подобном действительно не стоит! – перебил толстячок.

– Вы подумали о каком-то непотребстве? – приподняла бровь госпожа Увве. – Конечно, с точки зрения большинства обывателей работа поденщицей и ночной сиделицей в винной лавке – это дно человеческой жизни, однако…

– Я вовсе не об этом подумал, прошу меня извинить, – поднял он руки.

– Я не стану утверждать, будто не было чего-то иного, – медленно выговорила директриса, и я почувствовала, будто с меня заживо сдирают кожу, хотя речь шла не о матери даже, о бабушке, которой я и не видела никогда. Только на мутном снимке, где даже черты лица не разберешь толком… – Но вряд ли на постоянной основе. Госпожа Ивде видела ее, когда та приезжала проведать дочь: успешные… гм… женщины подобного рода занятий выглядят иначе. И по рукам сразу все понятно, даже если спрятать их под перчатками, не так ли?

Он молча кивнул.

– Госпожа Ивде была, кроме всего прочего, крайне великодушной женщиной и не считала, что дочь должна отвечать за проступки матери, – продолжила госпожа Увве. – Она поведала обо всем этом только мне, своей преемнице. И то, о чем я сейчас говорю вам, господин…

– Я ведь дал клятву молчания, – перебил он и наконец-то посмотрел на меня в упор. Взгляд его был словно крапивный ожог.

– Хорошо. Девочка выросла в пансионе – госпоже Ивде всегда удавалось собирать достаточно пожертвований на сирот, – и осталась здесь учить малюток, – устало продолжила госпожа Увве. – Она была очень умна, хорошо находила общий язык с детьми, и я думала: быть может, с годами она заменит меня, как я – свою предшественницу? Но увы…

– Она пошла по стопам матери?

– Да, – обронила директриса. – Когда все вскрылось, было слишком поздно предпринимать какие-либо меры, если вы понимаете, о чем я. Бедная Илле скончалась вскоре после родов, но имени отца своего ребенка не назвала даже на смертном одре.

– А девочку, по устоявшейся традиции, оставили в пансионе? – усмехнулся толстячок.

Что-то в нем было не так, что-то казалось мне неправильным… Он словно бы натянул чужую маску, вот что. И маска эта была ему не по размеру… Право, не знаю, как лучше сказать.

– Да.

– И свидетельство о рождении у нее поддельное?

– Разумеется. – Морщинистая шея госпожи Увве дернулась. – Она родилась в год войны, совсем как ее мать. Много молодых людей… м-м-м… вступали в отношения перед тем, как отправиться на фронт, и Эва стала плодом подобной связи. Ее отец даже зарегистрировал брак с Илле, как она уверяла, а затем пришло известие о его гибели. Увы, мы не нашли в бумагах Илле свидетельства о браке, в книгах брачных записей нашего городка тоже ничего нет… Пришлось…

– И не страшно вам было ввязываться в подобное?

– Это дело рук госпожи Ивде, ныне покойной. Она любила Илле, как родную дочь, поэтому… Неужели родители допустили бы, чтобы их девочки находились рядом с незаконнорожденной?

– Но вы обо всем этом знали, не сомневаюсь, – негромко произнес толстячок, встал и сделал несколько шагов по кабинету. – Раз уж были преемницей, причем как раз такого возраста, в котором могли заниматься подобными поручениями. Не старушка же собственной персоной искала определенного рода умельцев?

Теперь несоответствие его внешности и движений сделалось особенно заметным. Наш учитель математики тоже невысокий и очень полный, но он ведет себя совершенно иначе. Порой видно, что он озабочен тем, как бы не опрокинуть стул, не застрять между слишком тесно составленными ученическими столами, когда прохаживается по классу во время самостоятельной работы и подходит заглянуть в чью-нибудь тетрадь… Этот странный господин не замечал препятствий. Удивительно: я была уверена, что он никак не протиснется между креслом и столиком к подоконнику, но ему это удалось, и он даже ничего не уронил!

А еще учителя мучает одышка, ему всегда жарко, и он носит с собой по меньшей мере дюжину носовых платков: любое физическое усилие – даже подъем на один лестничный пролет – заставляет его обильно потеть, и выглядит это не особенно приятно. Несомненно, наш бедный господин Агсон сознает, что предстает в глазах воспитанниц далеко не образцом мужественности, смущается, а от этого все становится только хуже… Впрочем, я отвлеклась, а ведь лишь хотела сказать, что незнакомец был свеж, как ландыш поутру.

– Если вам обеим так нравилась Илле и впоследствии Эва, если вы не желали отдавать их в сиротский приют, отчего же не взяли их на воспитание, не дали свою фамилию?

– Но мы…

– Увдир? – усмехнулся он. – Дочь Увве? А ее мать, наверно, звали Илле Ивдир? Вы с наставницей полагали, никто не помнит древних языков, а если изучал их в юности, то давно позабыл и ни о чем не догадается?

– Вы правы, – директриса натянуто улыбнулась.

– Это, конечно, красивый жест, но дать имя способен любой бедняк. А госпожа Ивде была бездетна, если не ошибаюсь, как и вы? Что же помешало вам взять на себя настоящую заботу о сиротках? – негромко спросил он, повернувшись к нам спиной. – Впрочем, я догадываюсь. Так не вышло бы использовать деньги попечителей, которые щедрой рукой отсыпали на содержание бедных девочек. Пришлось бы содержать малюток за свой счет, а жалованье у учительницы и даже директрисы пансиона не особенно велико. Я прав?

На щеках госпожи Увве, желтоватых и морщинистых, вспыхнули неровные красные пятна.

– Спишем это на то, что вы радели о благе не только этих бедняжек, но и пансиона в целом, – сдержанно улыбнулся толстячок. Я видела его отражение в оконном стекле – эта улыбка тоже принадлежала человеку под маской, которая не слишком-то хорошо слушалась хозяина. – В любом случае в мои обязанности никак не входит карать вас за подобные прегрешения, госпожа Увве, равно как и сообщать о них в соответствующие инстанции. Главное, девушка отыскалась живой и невредимой.

– Почему вы так уверены, что Эва – та самая? – выговорила директриса.

– Вы полагаете, ваш пансион первый, в который я наведался? В этом благодатном краю таких заведений, включая, к слову, и сиротские приюты, пруд пруди, а мой господин в молодости был… гхм… любвеобилен.

– И тем не менее? – Госпожа Увве взяла себя в руки, румянец на ее щеках поблек, а глаза заблестели. – Вы говорили о внешнем сходстве, о том, как описывал ваш господин покойную Илле, но Эва не слишком-то походит на мать, и я об этом упоминала. Тем не менее вы уверенно говорите, будто Эва – именно та, которая вам нужна. Да ведь в пансионе найдется не меньше двух десятков девушек схожей наружности!

– Вы полагаете, я собираю девиц со всей округи, чтобы отвезти к моему нанимателю и предъявить их ему – пускай выбирает подходящую? – сощурился толстячок. И снова из-за собравшейся складками личины выглянул кто-то другой, опасный, недобрый. – Разумеется, я езжу по этому поручению не с пустыми руками! Вот, взгляните сами…

Он вынул из внутреннего кармана небольшую подвеску: красно-бурый кулон вертелся на цепочке и выглядел обычной галькой, которой усыпаны дорожки в ботаническом саду.

– Этот амулет зачарован на кровь хозяина, – сказал толстячок, – и он реагирует на близкое присутствие родственников. Если же девушка позволит уколоть ей палец, то мы убедимся наверняка…

– Эва, – кивнула мне директриса, и я покорно протянула руку, хотя это было все равно что сунуть ее в пасть огнедышащему дракону.

Ничего страшного со мной, впрочем, не произошло, я даже не почувствовала укола, а вот амулет вдруг вспыхнул и сделался похож на большой рубин. Сияние, правда, вскоре угасло, но в глубине камня еще мерцала алая искорка.

– Вот видите, – сказал толстячок. Он улыбался, но глаза на его лице жили собственной жизнью, и были они очень усталыми, злыми и недобрыми. – Что и требовалось доказать. Могу поздравить вас, девушка.

– Благодарю, господин. – Я на всякий случай снова присела в реверансе, а потом взглянула на директрису. Она казалась растерянной.

– Я хотел бы забрать Эву немедленно, – произнес он.

– Но… К чему такая спешка? – вскинулась директриса. – Учебный год едва начался, так, может, девочке лучше…

– Теперь не вам решать, что лучше для нее, – негромко сказал толстячок. – Отец желает видеть дочь немедленно. Он умирает – последствия ранения, видите ли, – и у него мало времени.

Директриса ахнула и прижала пальцы к губам, а я застыла, словно изваяние.

Это… это прозвучало, будто в романе, которые тайком приносят из внешнего мира «домашние девочки» и дают почитать остальным. Не даром, конечно же: я расплачиваюсь решенными задачками, рисую карты и пишу сочинения, да еще стараюсь сделать это так, чтобы никто не заподозрил подвоха. Увы, иначе мне никак не добыть книги, не разрешенные в пансионе, а запрещено здесь почти все. Если бы не попустительство директрисы, дозволившей мне рыться в ее собственной библиотечке, я бы не только о любви, а даже и о путешествиях, приключениях и научных открытиях ничего не прочла!

– Не рекомендую возражать, госпожа Увве, – добавил толстячок. – Вы знаете, что полагается за подделку документов, не можете не знать. Не думаю, впрочем, будто вас напугает штраф и тем паче условное наказание – другого вам за давностью лет не назначат. Но лишь представьте себе, с каким позором вас отстранят от занимаемой должности, какие реки грязи изольются на вас и на покойную госпожу Ивде…

– Я… понимаю, господин, – выговорила она после долгой паузы.

Теперь на ее лице не было красных пятен, оно казалось восковым. Госпожа Увве за мгновение словно состарилась на годы.

– Надеюсь, девушка тоже осознает, какая небывалая удача ей выпала?

– Эвина? – Директриса поманила меня к себе, и я подошла.

Она никогда не была ласковой, это горничные и кухарки возились со мной, забавляли, наряжали… Госпожа Увве учила меня иному. Порой мне доставались удары линейкой по пальцам, иногда – розги, а когда я стала постарше, она могла наказать и своей неразлучной тростью. Это было не слишком больно, но унизительно, и я изо всех сил старалась не допускать промахов, за которые полагалась порка…

И все же я любила госпожу Увве, и сейчас никак не могла уложить в голове: неужели она действительно велит мне немедленно ехать с каким-то незнакомым, неприятным ей человеком лишь потому, что я – дитя какого-то господина? А вдруг амулет ошибается? Вдруг тот господин взглянет на меня и скажет, что я вовсе не похожа на маму? Что тогда? Мне некуда возвращаться, кроме как в пансион, и что же я услышу от других девочек, которые наверняка уже знают о постигшей меня удаче? Несомненно, меня станут жалеть, кое-кто будет смеяться за спиной, и это сделает мою жизнь невыносимой…

«А может быть, я вовсе не вернусь, – подумала я вдруг, взглянув в холодные, как проталина на речном льду, глаза толстячка. – Но никто не узнает, что со мной приключилось. Еще много-много лет в пансионе будут рассказывать сказку о сиротке, которую разыскал чудом выживший на войне отец и увез в неведомые края, и осыпал подарками, и оставил богатое наследство…»

– Тебе придется поехать, Эва, – негромко сказала директриса и погладила меня по голове. Такой ласки я не могла упомнить с детских лет, а потому замерла от неожиданности. – Пойми… Такой шанс дается раз в жизни. Если что-то пойдет не так, ты знаешь, кому написать, и…

Она взглянула на толстячка и чуть повысила голос:

– И я надеюсь, если Эва вдруг не придется вашему господину по нраву, он не сочтет за труд вернуть ее в пансион! Что до слухов, мы просто скажем, что он позволил ей закончить обучение в привычном месте. Не так ли?

– Вы исключительно здраво мыслите, сударыня, – едва заметно улыбнулся он: угол губ дернулся, но глаза остались ледяными. – Мы можем отправляться?

– Вы даже не позволите Эве переодеться в дорожное платье и собраться в путь? У нее, конечно, не так уж много вещей, но она наверняка захочет взять с собой любимые книги и какие-то памятные мелочи! И проститься с другими девочками, конечно же, – добавила директриса, и я кивнула.

– Хорошо, только поскорее. – Толстячок вынул из кармана часы, щелкнул крышкой и недовольно поморщился. – Мы попусту тратим время. Идите, девушка, соберите эти ваши мелочи и книжки, столько, сколько сможете унести без помощи слуг, не более. Вам понятно?

– Да, господин, – шепнула я в ответ и выскользнула за дверь, повинуясь кивку госпожи Увве.

Не успела я прийти в себя, как на меня набросилась Мика:

– Миленькая госпожа Эва, я же говорила, что сказка сбылась! А еще твердят: вот еще, верить в такую чушь… Вы не беспокойтесь, я сразу же велела Дине собрать ваши вещи – одежду, белье… Может, вам уже приготовили новое, а если нет? Да и все равно не угадают с размером! И в дороге нужно как-то обходиться… А вот книжки и прочее мы не трогаем, вы знаете, так что поторопитесь!

– А если бы этот господин не сказал, что немедленно меня заберет? – я едва сумела вклиниться в поток слов.

– Так долго ли саквояж разобрать? – резонно ответила она. – Скорее, госпожа, скорее, не нужно заставлять таких людей ждать…

– Таких – это каких?

– Важных, – после паузы ответила она, и я не нашлась с возражением. – А что это вы будто и не рады, госпожа Эва? Такое чудо!..

– Чудеса бывают не только хорошие, – ответила я. – Что, если этот человек… мой отец… окажется недобрым? Что мне тогда делать, Мика?

– Вот уж точно не реветь мне в передник, только с утра накрахмалила, – быстро сказала она, затолкала меня за угол и обняла покрепче. – Плачьте уж в рукав, не

так заметно… Другая бы от счастья козленком скакала, а вы сырость развели, все вам не так!

– Я боюсь…

– Чего же бояться? А-а-а… – Горничная выудила откуда-то из складок юбки большой клетчатый платок и вытерла мне лицо. – Думаете, не придетесь по нраву папаше своему?

Я молча кивнула. Не говорить же о том, что на самом деле меня пугает вовсе не мифический отец, а вот этот… управляющий или кто он есть. Мика все равно не поймет, а поймет, так не поверит и снова высмеет.

– Не может такого быть, – уверенно сказала она и снова меня обняла. – Чтобы такая славная девочка, лучшая ученица, красивая и воспитанная, да не понравилась? Не верю!

– Спасибо тебе, Мика, – только и смогла я произнести.

– Давайте-ка скорее умываться и одеваться! – Горничная потащила меня за собой, и я покорилась.

Управляющий вряд ли подобреет, если я замешкаюсь, это было понятно. И не думаю, будто он хочет видеть зареванную физиономию…

Я сложила самые дорогие мне книги, тетради… Этот господин сказал взять столько, сколько смогу унести, поэтому пришлось пожертвовать большей частью учебников. Ничего, это же не редкие издания. Может, в новом доме и получше найдутся.

Мика действительно уже собрала большую часть моей одежды – гардероб у меня не то чтобы богатый, – и мне оставалось лишь переодеться в дорожное платье. Я так и сделала, потом умылась, пригладила волосы, посмотрела в зеркало, заставила себя улыбнуться… Вышло не так плохо, как можно было предположить.

С этой улыбкой я и вышла к однокашницам, которые уже толпились в коридоре – не то что яблоку, желудю некуда было упасть!

– Эва! Вот так чудо! – звучало со всех сторон, и я обнималась с подругами и касалась рук тех девочек, с которыми почти не общалась. – Эва, не забывай нас, пиши! Эва, возьми на память…

Когда я вырвалась от них, к груди у меня была прижата целая охапка альбомов, тетрадок, записок, безделушек и красивых открыток: похоже, девочки вынули самые дорогие свои сокровища ради меня… Но куда мне их девать? Не в подол же складывать! Еще и саквояж мешал, путался в ногах…

Выручила меня вездесущая Мика, подкараулившая внизу лестницы, почти у самого выхода.

– Госпожа Эва, вот ваши вещи, – подсунула она мне второй саквояж. – Поднимете, наверно… В нем еще есть местечко, я так и думала, что подруги ваши вам насуют с собой всякого-разного… А если вдруг что не поместится, оставьте мне, я передам госпоже директрисе, а та уж сбережет для вас, как думаете?

– Как ты хорошо придумала! – искренне сказала я, и мы прямо на лестнице засунули поверх одежды то, что мне надарили, за исключением сладостей – их я вручила Мике, попросив угоститься вместе с другими горничными. На саквояж пришлось встать коленями, чтобы застегнулся, но ничего…

– А теперь бегите, миленькая госпожа Эва, – сказала мне Мика и расцеловала в обе щеки. Обычно она не позволяла себе таких вольностей, но я не возражала. – Вон, глядите, в зеркало видно: госпожа директриса ждет и господин этот все на часы смотрит, так что не мешкайте. И не забывайте о нас!

– Ни за что не забуду! – ответила я и, покрепче ухватившись за ручки саквояжей, двинулась навстречу своей судьбе.

Глава 2

Карета у незнакомца – он так и не представился мне, даже если назвался госпоже Увве, – оказалась огромной, почти как комната горничной. Она была запряжена шестеркой, и громадные вороные кони взяли с места в карьер, едва лишь захлопнулась дверца, а я села на краешек скамьи. Да какая скамья, это был целый диван, едва ли не шире моей кровати! Мужчина сел напротив, и, право, я не дотянулась бы до него, не вставая с места, даже если бы очень захотела.

Карета мягко покачивалась, за окном мелькали знакомые дома.

«Нельзя же так гнать по городу! Ведь улочки узкие, еще сшибут кого-нибудь…» – мелькнуло в голове, но я не осмелилась подать голос.

– Располагайтесь, – сказал мой спутник. – Путь неблизкий.

– Благодарю, господин, – ответила я и села поудобнее, сложив руки на коленях.

В карете было очень светло – под потолком сияли огоньки, и это были не свечи, не масляные светильники и даже не керосиновые фонари. Это были колдовские огни, которые я видела лишь два раза в жизни: в день траура и на празднике в честь коронации… Они очень дорогие, я слышала. И если даже в карете устроено такое освещение, выходит, мой отец богат?

Как бы я хотела, чтобы управляющий сказал хоть несколько слов о своем хозяине! Но нет… Он откинул столик – тот удивительным образом крепился к дверце, – вынул из выдвижного ящичка стопку бумаг и углубился в чтение. Время от времени он делал какие-то пометки в документах, а обо мне, похоже, и думать забыл.

Вот когда я пожалела о том, что не взяла с собой хотя бы одну книгу, ведь могла же сунуть ее за пояс или зажать под мышкой! Молчаливый кучер забросил мои саквояжи на задок кареты, и до них было не добраться… Не просить же остановиться? Хотя рано или поздно придется, и как это сделать…

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами, и изо всех сил постаралась сдержаться. Может, этому человеку не нравится, когда девушки плачут?

– Сударыня, – невыразительно сказал он, взглянув на меня, – если вам угодно рыдать, не сдерживайтесь. Надеюсь, у вас найдется чистый носовой платок? Если нет, я дам вам свой. Не переживайте, мне вы не помешаете. Меня не смущают женские слезы, в особенности проистекающие от разлуки с каким-то вшивым пансионом в проклятой глуши.

Клянусь, я так разозлилась на него за эти слова, что мгновенно расхотела плакать. Конечно, наш городок далеко от столицы, но… Это хороший город! И учителя в нашем пансионе замечательные! Еще неизвестно, какие окажутся там, куда определит меня незнакомый отец… Может, вовсе решит обучать на дому? Это будет совсем скверно: мне не удастся быстро найти новых знакомых… Не подруг – те остались позади, но хотя бы приятельниц, с которыми можно перемолвиться словом…

Я прислонилась виском к окошку кареты. Снаружи совсем стемнело, лишь мелькали огоньки, и поди угадай, что это было – чей-то дом, фонари на заставе, железнодорожный переезд? Зато в отражении отлично был виден управляющий. Я опасалась смотреть на него прямо, но вот так… почему нет?

Он все перебирал и перебирал бумаги, хмурился, шевелил губами, но мне неприятно было его лицо, поэтому я разглядывала руки, и вот тут меня поджидало неожиданное открытие. В отражении мне явилось совсем не то, что я недавно созерцала вблизи!

У управляющего были короткие толстые пальцы, этакие сосиски в перетяжках, с глубоко вросшими в плоть широкими плоскими ногтями, пускай и аккуратно подстриженными. В стекле же я видела крупные, но вовсе не грубые кисти, из обшлагов при движении показывались костистые запястья, и чувствовалось, что выше их руки тоже худые и жилистые, вовсе не полные, как у управляющего. Я даже рискнула покоситься на него и удостоверилась – толстые, местами поросшие шерстью, словно гусеницы волшебных синих бабочек, пальцы на месте.

Как же так? Может, воображение разыгралось? Я немного подвинулась на сиденье: очень хотелось поджать ноги, но я боялась испачкать сиденье, а разуться не рискнула. Да и управляющий вряд ли одобрил бы такое поведение… Но неудобство было целью моего маневра: теперь мне видно было намного больше.

В стекле отражался не управляющий. Вернее… Не могу описать! Я видела его, эти вот короткопалые руки, но они были словно набитые ватой перчатки актера из бродячего театра, играющего толстяка, а сквозь них просвечивала настоящая плоть. То же было и с лицом: я угадала, маска сидела не слишком плотно, складки собирались не так, как это бывает у живых людей, а под ней…

– Перестаньте таращиться на меня, сударыня, – сказал вдруг управляющий, и я вздрогнула. Ох, не нужно было сличать отражение с истинным обликом! Хотя… какой из них истинный? – Что-нибудь не так? Вы голодны? Хотите пить? Вас укачивает? Вам нужно выйти? Пожалуйста, скажите это вслух: мне предписано делать все для вашего удобства, но, к моему превеликому сожалению, я не обучен угадывать мысли.

– Нет, нет, ничего такого, господин, – поспешила я сказать.

– И все же? Почему вам не дает покоя мой облик? И мое отражение?

– Просто любопытство, господин… Мне показалось…

Я прикусила язык, но было поздно: он впился в меня взглядом.

– Что именно вам показалось? Ну же!

– Это просто воображение, господин, – выговорила я. – Мне почудилось, будто в отражении вы выглядите иначе… Наверно, тени так падают, вот и…

– Неужели? – Управляющий не двинулся с места, но казалось, будто он навис надо мною и впечатал в спинку сиденья каменной рукой. – И каков же мой облик там, за стеклом?

Я открыла рот, чтобы описать, но тут же умолкла и виновато развела руками.

– Слов нет, до чего хорош? – неожиданно улыбнулся управляющий, и выглядело это ужасно до такой степени, что меня передернуло. – В вашем личном деле отмечено, что вы недурно рисуете с натуры. Сможете изобразить то, что увидели?

– Не знаю… попробую, но…

– Держите. – Сильно наклонившись вперед, он передал мне твердую папку для бумаг и ручку-самописку, на которой я заметила королевский вензель. – Поосторожнее с нею. Это подарок его величества. Последний, должно быть, в его жизни.

– О… – только и смогла я произнести.

Королевская семья погибла совсем недавно, чуть больше года назад. В газетах писали, это была авария – локомотив сошел с рельсов.

Уцелела только младшая принцесса – великим чудом, как говорили! – и я боялась представить, какой груз ответственности ей, моей ровеснице, пришлось принять на плечи с коронацией… Но у нее был регент, были надежные советники, хватало родственников, в конце концов! Неужели они позволят ей совершить ошибку?

– Рисуйте, сударыня, – напомнил мне управляющий, и я неуверенно провела первую линию.

Пришлось испортить несколько листов, прежде чем я приноровилась к самописке – это все-таки не грифель и не уголь. Наконец получилось что-то, отдаленно напоминающее отражение в окне, и я робко протянула рисунок управляющему.

– Вот даже как… – негромко произнес он, посмотрев на изображение. – Вы это только теперь увидели?

– Нет, – честно ответила я. – Еще в пансионе… Мне показалось, будто на вас маска, господин. Или даже костюм, набитый соломой: актеры в таких представляют сказочных зверей на осеннем празднике. Только они умеют управляться с лапами и хвостами, а вы как будто не привыкли, и…

– Достаточно, – остановил он, и я испуганно умолкла. – Что ж… Кажется, мне наконец-то улыбнулась удача, и эта поездка не была напрасной.

Привстав, он стукнул в переднюю стенку кареты, и меня вжало в спинку сиденья: казалось, кони помчались еще быстрее, чем прежде, хотя я не представляла, как это возможно.

– Держитесь, – сказал управляющий, вернувшись на место и сложив столик. – Сейчас будет трясти.

Вовремя он предупредил: я едва успела схватиться за сиденье и ручку на двери: мы словно выехали с ровной мостовой на бездорожье со сплошными ухабами. Подбрасывало так, что несколько раз я едва не ударилась головой о стенку кареты, а потом, когда она заложила особенно крутой поворот, меня бросило вперед с такой силой, что, наверно, я расшиблась бы, если бы не управляющий.

– Посидите-ка лучше рядом со мной, – сказал он, перехватив меня точным движением. Сам он за все это время с места не сдвинулся, будто тряска была ему привычна. – И не бойтесь. Скоро это закончится.

На ощупь его рука тоже никак не могла принадлежать толстяку, пальцы были жесткими и больно впивались в мое плечо, но я предпочла потерпеть, нежели летать по всей карете, как лягушка в надутом мяче.

Он не солгал, трясло все меньше и меньше, покуда, как мне показалось, карета вновь не покатилась по ровной дороге, куда медленнее, чем прежде. Я невольно пожалела лошадей, которым пришлось выдержать этакую скачку по буеракам.

– Прибываем, – сказал управляющий, взглянув на часы. Я всякий раз вздрагивала, когда он звонко щелкал крышкой. – Так. Раз уж вы все равно меня раскусили, сударыня, не вижу смысла продолжать этот маскарад…

Я невольно шарахнулась в сторону, благо места хватало: чужой облик слезал с него клочьями. Истаяли пухлые пальцы, проявился массивный перстень на среднем пальце левой руки, опал живот, исхудали полные плечи… Удивительно, костюм не повис на нем, как на вешалке, наверно, тоже был заколдован.

Изменилось и лицо – оно сделалось таким, какое я рассмотрела в отражении: сухим, скуластым, с резкими складками возле тонкогубого рта. Нос вытянулся и оказался довольно длинным, узким, с едва заметной горбинкой. И брови появились – неожиданно темные при русых волосах, с прихотливым изломом.

Только глаза остались прежними – светло-зелеными, колючими.

Он повернулся, и я увидела его в профиль. И вспомнила наконец, где видела этого человека. Рядом со мной сидел всемогущий канцлер, правая рука покойного короля и регент юной королевы…

Наверно, нужно было упасть в обморок от потрясения, но я настолько опешила, что даже забыла испугаться, а когда вспомнила об этом, дверца кареты уже открылась, и слуга подал мне руку в белой перчатке, чтобы помочь выйти.

Ночь вокруг сияла огнями. Наш маленький городок не светился так даже во время праздников, а здесь не было видно звезд, и небо казалось лиловым от обилия огней.

Я повернулась, и вот тут-то у меня подогнулись колени: это здание я много раз видела на картинках и на снимках. До него было не близко, но…

– Зачем я здесь? – только и смогла я выговорить.

– Узнаете, – негромко произнес канцлер и предложил мне руку. Ничего не оставалось, кроме как взяться за его локоть.

Сбросив личину, он остался невысоким – для мужчины, конечно же. Я помнила снимки в газетах, покойный король был на целую голову выше. Впрочем, я все равно едва доставала канцлеру макушкой до уха.

– Не переживайте, сударыня, ваши сокровища останутся в целости и сохранности.

– Я вовсе не переживаю, ваше превосходительство, – дрогнувшим голосом ответила я. – Неужели ваши слуги позарятся на мои безделушки? Лишь бы не выбросили, как ненужный хлам.

Он едва заметно улыбнулся и увлек меня по дорожке во тьму. Я все оглядывалась на Королевскую лестницу, и, наверно, канцлер заметил это, поскольку сказал:

– Не смотрите туда, сударыня. Там вам делать нечего.

– Простите, ваше превосходительство, – выговорила я. Бесконечная сверкающая лента Королевской лестницы вилась в темноте, и я не могла вообразить, как же всходили на эту немыслимую высоту монархи в полном церемониальном облачении, если оно весит, наверно, как я сама с двумя саквояжами… – Я просто не думала, что она настолько… настолько длинная!

– Вы даже не представляете насколько, – обронил он после паузы и вновь повлек меня за собой.

Здесь, в ухоженных зарослях прятался вход в небольшой домик. Кажется, подобные назывались охотничьими, ну да какая охота посреди города? А может, это просто флигель или пристройка для слуг, как поймешь?

Но чем бы ни было это строение, внутри оказалось удивительно красиво. Один мозаичный пол чего стоил…

– Нэна, – негромко произнес канцлер, и я обнаружила рядом с собою рослую женщину в скромном платье. Похожие носили горничные в пансионе, только это было сшито из куда более дорогой ткани. Что там, намного лучшей, чем мое собственное! – Проводи гостью в ее покои и позаботься о ней.

Та молча поклонилась.

– На дворе глухая ночь, – сказал он, обращаясь ко мне, – и вам давно пора спать. Я рассчитывал, что вы вздремнете в карете, а поутру… Впрочем, не важно. Поговорим, когда выспитесь, а покамест отправляйтесь с Нэной, сударыня.

Я кивнула, потом спохватилась, сделала реверанс – канцлер вряд ли увидел его, он уже повернулся спиной – и поплелась за горничной. Та оказалась молчалива: проводила меня в комнату, помогла умыться с дороги, подала стакан теплого молока и булочку, потом принесла ночную одежду и уложила спать… и все это безмолвно. Я пыталась спрашивать у нее о чем-то, но Нэна лишь сдержанно улыбалась и продолжала делать свое дело. Нескольких попыток хватило, чтобы удостовериться: она и слова не скажет, пока ей не прикажет хозяин. А может, она вовсе немая?

Постель оказалась непривычно мягкой, я тонула в подушках, одеяло казалось сугробом, под которым немудрено потеряться… Сна не было ни в одном глазу. Я пыталась считать единорогов, честных чиновников и прочих волшебных существ, но не могла сомкнуть глаз. Скорее бы утро…

Совсем измучившись, я слезла с огромной кровати, надела платье прямо поверх ночной рубашки и выглянула в коридор. Я понимала, что поступать так не следует, что меня за это отругают, накажут или вовсе вышвырнут прочь, но лежать и таращиться в потолок было выше моих сил.

Босые ноги зябли на каменном полу, зато ступали бесшумно, поэтому я, выйдя на лестницу, услышала голоса прежде, чем меня заметили, и присела за балюстрадой, ловя каждое слово.

– Удивительное совпадение, мэтр, – негромко произнес канцлер.

Его голос я хорошо запомнила, а еще он всегда делал заметную паузу перед тем, как поименовать собеседника, словно сомневался, правильно ли помнит его звание. Или – достоин ли человек этого самого звания? Наверно, это изрядно пугало придворных.

– Думаете, повезло наконец? – ответил хрипловатый старческий голос.

– Она разглядела меня под личиной, мэтр. А если этого мало, то вот вам еще: она увидела Королевскую лестницу. Спросила еще, неужели та в самом деле настолько длинная.

– Однако…

– Завтра… вернее, уже сегодня посмотрите сами на это юное дарование. Если и она не подойдет… Право, нет больше моих сил искать замену!

– Постараемся приспособить эту. Раз уж она способна видеть, то хоть на что-то сгодится, а там, будем надеяться, все придет в норму. – Голос старика помягчел, в нем зазвучали заботливые нотки. – Я понимаю, Одо, насколько тебе тяжело. Я состоял регентом при бабушке нынешней королевы, пусть и недолго, но…

– Именно, – после паузы ответил канцлер. – Недолго. И она…

Он осекся, и все стихло. Я тоже замерла в своем укрытии, надеясь, что не выдала себя ни шорохом, ни вздохом, но… Ничего не вышло.

– Вам велено было идти спать, сударыня, – сказал канцлер, остановившись передо мной. Я не расслышала его шагов, клянусь! – Что вы делаете здесь в такое время? Стараетесь рассердить меня настолько, чтобы я с утра пораньше отправил вас обратно в приют… то есть пансион, конечно же, под крыло почтенной госпожи Увве?

Я не нашлась с ответом. Даже на прогулки во сне нельзя было списать мое появление здесь: я ведь оделась, а лунатики бродят, как есть…

– И Нэна не заметила, что вы вышли из комнаты, – добавил он. – Интересно… Как вам это удалось?

– Просто повернула ручку, а дверь была не заперта…

– Не заперта, в самом деле?.. Не вздумайте заплакать! Я сказал, что женские слезы меня не пугают, но это не значит, будто мне нравится терять время понапрасну, дожидаясь, покуда они высохнут.

– Я… я вовсе не… собиралась… – выговорила я, хотя мне было невыразимо страшно. – Простите, ваше превосходительство, мне не спалось, и я…

– Искали библиотеку? – неожиданно улыбнулся канцлер. – Вынужден вас огорчить – здесь ее нет. И встаньте уже, не нужно сидеть на холодном полу.

Он протянул мне руку, и я несмело взялась за его пальцы.

– Вижу, вы любопытны сверх всякой меры, сударыня.

– Я просто хотела узнать, зачем я вам понадобилась, – едва слышно выговорила я, ужасаясь собственной смелости. – Пожалуйста, скажите! Тогда будет не так страшно…

– Даже если я сообщу, что намерен принести вас в жертву дикарским богам?

– Да! – твердо сказала я. – Но только объясните – каким, зачем и почему, и… и…

– Только не плачьте! – в который раз повторил канцлер и потер переносицу.

Забавно, у нашего старого учителя истории был такой же жест, но тот носил пенсне. Когда он снимал его, на переносице оставались красные вдавленные следы, их-то учитель и потирал.

– Подите обуйтесь, сударыня.

– Мне не холодно, право, – шепотом сказала я, живо представив, как вхожу в спальню, ищу ботинки, и в это мгновение дверь захлопывается, проворачивается в замке ключ, и я слышу удаляющиеся шаги.

– Хотите получить воспаление легких – дело ваше, – согласился он. – Идемте. Здесь недалеко.

По дороге я успела несколько раз проклясть свою несговорчивость: мы вышли во двор, а идти по гравийной дорожке босиком было очень больно. Я терпела, стараясь ступать на пальцах, но мне то и дело подворачивались крупные камни, и я сильнее хваталась за руку канцлера, стараясь только не повисать на ней всей тяжестью. Не сомневаюсь, он прекрасно видел, в чем дело, но не сказал ни слова. Сама ведь виновата, что не пожелала обуться.

– Сюда, – произнес он наконец. – Закройте глаза и держитесь за меня крепче, сударыня. Может… гм… встряхнуть.

– Как в карете? – угадала я.

– Хуже, потому что ближе, – непонятно ответил он, потом высвободил руку и крепко взял меня за талию. – Так надежнее. Теперь – шаг вперед…

Я думала, из меня не то что дух, а и все потроха вытряхнет! Какая там лягушка в мяче, этому я даже сравнения придумать не сумела! И хорошо, что ужин был таким легким, иначе я рисковала опозориться.

– Надо же, живы, – любезно произнес канцлер, когда я отдышалась. – Тем лучше. Идемте, сударыня. Ничего не бойтесь и постарайтесь держать язык за зубами. Я отвечу на ваши вопросы в другое время и в другом месте.

– Как прикажете, ваше превосходительство, – шепнула я, сглотнув горькую слюну.

Это был совсем другой особняк: здесь потолки оказались выше, залы – просторнее, окна – больше, и откуда-то доносился запах цветущего сада, хотя стояла глухая холодная осень.

Никто не попался нам на пути, ни одной живой души, и я поразилась: неужели здесь совсем нет слуг? Но так ведь не бывает, если дом не заброшен, а за этим следили со всем тщанием: сложно не заметить свежие цветы в вазах, недавно начищенные перила, сверкающие зеркала…

Но вот наконец я увидела людей, и они расступились перед канцлером, отворили двери в опочивальню, и я увидела на огромной кровати спящую девочку… девушку…

Себя.

Нет, в самом деле, у нее были точно такие же темно-каштановые волосы, чуть вздернутый нос, подбородок с ямочкой, левая бровь выше правой, домиком… Глаза вот закрыты, никак не сравнишь, но я была уверена, что у спящей они такие же, как у меня, – темно-серые, цвета снеговой тучи.

Вернее, у меня – как у нее.

– Все еще не страшно? – негромко спросил канцлер, и я покачала головой. – В самом деле? Вы не узнаете ту, что перед вами?

– Нет, ваше превосходительство, – ответила я как можно тише, опасаясь потревожить сон незнакомки.

– Конечно… Вы ведь видели ее только в газетах, на парадных снимках, исправленных и улучшенных. Но у вас цепкая память и хорошее воображение, в

чем я уже имел удовольствие убедиться, так что присмотритесь как следует.

Я послушалась и уставилась на больную (или спящую?). Нет, все-таки мы не очень похожи. Если бы я могла оценить мимику, было бы проще, но увы – лицо девушки казалось совершенно неподвижным, а я не знаю, как выгляжу во сне.

Такие огромные круги под глазами у меня появляются, только если я долго и тяжело болею, а еще тускнеют и перестают виться волосы, трескаются губы… Помню, какая-то домашняя девочка пришла в пансион с кашлем, сказав, что это всего лишь простуда, а через неделю слегли все пансионерки. Когда я встала после той болезни, то выглядела примерно так же, как эта девушка на королевской кровати, разве что была намного более худой.

На королевской… парадные снимки в газете…

Я невольно отшатнулась, запнулась за какой-то пуфик и неминуемо упала бы, наделав шума, если бы канцлер не удержал меня за плечи.

– Узнали? – негромко спросил он, и я кивнула. – Тогда идемте. Не нужно ее беспокоить.

И, противореча собственным словам, канцлер подошел к постели ее величества, осторожно убрал с ее лба влажную от испарины прядь волос, дотронулся до руки и постоял так недолго.

– Идемте, сударыня, – сказал он наконец. – Вы увидели достаточно. Теперь, полагаю, желаете услышать, в какую историю угодили?

Глава 3

Неподалеку от опочивальни обнаружился небольшой уютный кабинет: я сразу решила, что это собственность ее величества, поскольку он никак не мог принадлежать мужчине. О нет, я не увидела засилья картинок с котятами и щенками, вышитых салфеточек и подушек, чем грешили некоторые мои соседки по пансиону. Кабинет был строг, но при этом уютен, и я подумала: госпоже Увве

он бы понравился, да и мне пришелся по душе. Потом я вспомнила, что коронация состоялась совсем недавно, а значит… значит, это кабинет покойной королевы. Вряд ли у юной принцессы имелась необходимость в подобном, ведь она угодила на трон буквально со школьной скамьи!

– Присядьте, – сказал мне канцлер, заняв одно из кресел и кивнув мне на другое. – Можете забраться с ногами. Ее величество всегда так делает, а вы к тому же озябли.

– Но… – Я коснулась ладонью шелковистой темно-синей материи с едва заметным серебряным узором. – Ведь я испачкаю…

– Ее величество это не заботит. – Тонкие губы канцлера тронула едва заметная усмешка, а мне почудилось двойное дно в его словах, только я не сумела уловить, какое именно. – Сядьте, как вам удобно, сударыня. У меня мало времени.

Ноги в самом деле замерзли, и я подобрала их под себя, стараясь подоткнуть юбку так, чтобы не касаться ступнями чудесной обивки кресла. Кому-то ведь придется ее отчищать…

– Почему вы молчите? – спросил канцлер, когда я кое-как угнездилась на упругом сиденье.

– Но вы же ни о чем не спрашиваете, ваше превосходительство, – удивленно ответила я и осмелилась добавить: – Хотя сказали, что объясните, в какую историю я угодила.

– Да. Но сперва я хочу выслушать ваши соображения по этому поводу. Вы, судя по вашему личному делу и отзывам госпожи Увве и прочих учителей, девушка начитанная и сообразительная, поэтому, полагаю, вам не составит труда придумать версию. Начинайте. – Он взглянул на часы и щелкнул крышкой. – Я жду.

Я уставилась на полированную резную ручку кресла. Рисунок древесины был таким красивым, что его так и тянуло погладить… Я провела пальцем по блестящей поверхности и тут же отдернула его – остался некрасивый след.

– Я жду, – повторил канцлер.

– Ее величество больна? – выговорила я, собравшись с мыслями. – И кажется, очень тяжело…

– Так.

Это слово напомнило мне звук, с которым передвигается стрелка в огромных часах в холле пансиона.

– Уже очень скоро праздники, – продолжила я. – Траур закончился, и… и будут балы и прочее… И ее величество должна будет там показаться.

– Так.

– Но она не может. То есть, наверно, сумеет присутствовать на параде… помахать из ложи… Но не танцевать и не принимать гостей, так?

– Не передразнивайте меня, сударыня, – неожиданно сказал канцлер.

– Я вовсе не… – испугалась я, и он, кажется, поверил.

– Еще что-нибудь скажете?

– Получается… нужна девушка, похожая на ее величество. Настолько, чтобы их не различили, даже увидев лицом к лицу… – сглотнув, ответила я. – И вы искали такую… Может, ее величество успеет поправиться, но если нет? После той ужасной катастрофы… Она все, что у нас осталось, и…

– Довольно, – поднял он руку. – Я знаю, чем вас потчуют на уроках. Как ни странно, на сей раз это соответствует истине: осталась лишь одна прямая наследница, и если что-то случится с нею… возможны варианты. У королевской семьи хватает родни, пусть и не близкой, а трон стоит того, чтобы за него побороться, как вы полагаете? Кого примет народ: тяжело больную девушку, – что там, еще девочку! – или взрослого мужчину, поднаторевшего в управлении своим герцогством?

– Второе, конечно, – сказала я и спохватилась: – То есть я имела в виду, люди любят ее величество, переживают и молятся за нее Богине, но… если она не может править… Кто будет это делать? Нельзя же без королевы… или короля, так?

– Вы издеваетесь? – негромко спросил канцлер, и я отчаянно замотала головой. – И не смотрите на меня испуганными глазами. Будто вы не знаете моего прозвища…

– Откуда бы, ваше превосходительство?

– И правда… Старший брат ее величества, ныне покойный, прозвал меня Так-Таком.

– Это из-за часов, да? – несмело спросила я.

– Не только.

– Простите, ваше превосходительство, я постараюсь больше не говорить так… – Я невольно зажала себе рот, а он вдруг улыбнулся, едва заметно, но у меня отлегло от сердца.

– Лучше не старайтесь, будет хуже. Я переживу. А теперь к делу, сударыня… Вы угадали верно: мне – всем нам – нужна девушка, способная временно заменить ее величество. Она очень больна. Порой ей делается лучше, но даже тогда…

Он покачал головой, а я спросила осторожно:

– Даже тогда ее нельзя показывать публике? Потому что… потому что ее величество выглядит скверно? А говорить о ее болезни вы не желаете, так? Ой, простите…

– Не стоит извинений, – желчно ответил канцлер. – Вы не нарочно, я вижу. Бывает – застрянет что-то в голове, никак не отделаешься, вот и вы… Могли бы сказать «верно» или «правильно», но нет!

Я отвела взгляд и крепче взялась за рукоятку кресла, не думая уже о том, какие на ней остаются следы.

– Имей недуг ее величества обычную причину, все было бы не так плохо, – сказал он, помолчав. – В нашем распоряжении лучшие маги, и рано или поздно они поставили бы ее на ноги, но… Это не рядовая болезнь.

– Что же тогда, ваше превосходительство? – шепотом выговорила я.

– Вы помните, каким образом погибла королевская семья?

Я кивнула. Конечно же, я помнила! В тот день отменили занятия, и нас, ничего не понимающих, повели в большой зал, объяснили, что случилось, и мы усердно молились за спасение королевской семьи… Мне хотелось думать, что хоть у кого-то получалось искренне, и только поэтому выжила младшая принцесса.

Потом в газетах написали: она высунулась в окно, чтобы получше рассмотреть старинный замок на холме, и в этот момент поезд сошел с рельсов…

Он был полностью исправен, его тщательно проверили перед отбытием, вот только никто не мог предугадать, что какой-то селянин открутит несколько гаек с железнодорожного полотна. Они на грузила годятся, недоуменно сказал он, когда его судили. Рыба хорошо клюет. И ведь он не все отвинтил, с разумением, всего парочку, и ничего бы составу не сделалось… Наверно, обычный тихоходный состав и впрямь еще смог бы миновать опасное место, но королевский поезд тянули два огромных локомотива, а накануне прошел сильный дождь, подмывший насыпь. Под совокупной тяжестью разогнавшихся стальных махин железнодорожное полотно не выдержало…

Когда вагоны обрушились под откос, принцессу каким-то чудом выбросило в окно, она сильно поранилась, но выжила… Ее не сразу опознали: на ней было скромное дорожное платье, а в том же поезде ехали особенно отличившиеся воспитанницы Королевского пансиона, одетые почти так же, – эта поездка была их наградой за отличную учебу. А кто увидит разницу, если платье разодрано в клочья, залито кровью и местами обгорело?

«Чудесное спасение принцессы Дагны-Эвлоры при крушении у станции Холмы», – писали в газетах, а со снимков из-под белой шапочки из бинта

смотрели большие испуганные глаза нашей ровесницы.

Потом она поправилась, состоялась коронация, и все вроде бы шло неплохо – настолько, насколько это возможно, когда вдруг гибнет правитель с наследниками, а на трон восходит юная девушка.

– А почему вас не было в том поезде? – спросила я неожиданно для себя самой.

– Опоздал к отбытию, – холодно ответил канцлер, оценил выражение моего лица и добавил: – Шутка. Я остался в столице: должен же кто-то заниматься делами, покуда их величества изволят отдыхать?

Я подумала, что если бы и он оказался там, то… Принцессу могли бы не найти. Он ведь сказал: есть взрослые родственники, не такие близкие, но что делать, если погибла вся семья? Не оставлять же страну обезглавленной! Кто знает, что сталось бы теперь со всеми нами?

– Но что же случилось с ее величеством? – тихо спросила я.

– Она вылетела из вагона на всем ходу, – сказал канцлер. Сейчас его глаза казались черными, так падали тени. – Угодила в кусты, это ее спасло, но она все равно очень сильно ударилась головой. Рассадила кожу – это ерунда, так все думали. Сознание не путалось, она все помнила, всех узнавала… На удивление стойко перенесла известие о гибели родных. Я полагал, просто не восприняла это всерьез…

– Потому что так не бывает? – невольно подхватила я. – И они непременно вернутся? Откуда-нибудь из-за границы или с курорта неподалеку…

– Да. Именно так. Но после коронации играть в неведение стало невозможно.

– И что случилось? – Я даже забыла прибавить «ваше превосходительство», словно требовала у нашего печника рассказывать сказку дальше, не медлить.

– Ее величество после катастрофы мучилась головными болями, – ответил он. – Когда она упала в обморок во время приема, это не сочли чем-то серьезным: все-таки она впервые выступала в роли королевы, и волнение могло сыграть свою

роль… Однако обмороки повторяются все чаще. Хуже того: случаются нервные припадки, во время которых ее величество себя не контролирует. Она может обругать последними словами посла дружественной державы, а впоследствии не помнить об этом. Может заигрывать с кем-то самым непристойным образом. Это… невыносимо.

– Неужели даже маги не могут ее вылечить?! – выпалила я.

– Нет. Пока нет, – поправился канцлер, но выражение его лица явственно говорило: он не слишком-то верит в торжество медицинской магии. – Все сходятся на том, что приступы безумия и беспамятство – последствия удара головой. Но как справиться с этим… Они созывают бесконечные консилиумы и совещания, изводят Эву микстурами, зельями, притираниями и пиявками, часами водят вокруг нее руками, жгут травы, но ей становится все хуже. Вернее…

Он тяжело вздохнул и потер виски жестом очень усталого человека.

«Эву? – удивилась я. – Ах да, Дагна-Эвлора… Наверно, дома ее звали Эвой, совсем как меня».

– Иногда случаются периоды просветления, – сказал канцлер. – Последний месяц выдался исключительно спокойным, если не считать одного-двух приступов легкой головной боли, которые удалось снять обычными лекарствами.

– Но вы все равно продолжали искать двойника для ее величества? – осторожно спросила я.

– Да. Не в моих привычках бросать начатое, тем более проверить оставалось всего нескольких девиц. И, как видите, я был прав, когда не позволил себе поддаться ложной надежде.

– Ее величеству стало хуже?

– «Хуже» – не то слово, сударыня. – На лице его появилась странная злость. Не на меня, нет, скорее уж, на коварный поворот судьбы. – С утра Эва была бодра и весела, провела аудиенцию с послом. Вечером ее величество ожидала еще одна встреча, по счастью, не настолько важная… Буквально за час до нее с Эвой

случился припадок, намного сильнее всех, что были прежде. Она вторые сутки не приходит в сознание… вернее, ей этого не позволяют.

– Почему? – не удержалась я.

– Потому что иначе придется привязывать ее к кровати и затыкать рот: не представляю, где Эва набралась подобных выражений, но ругается она похлеще старого солдата. И слышать подобное в свой адрес от юной девушки, почти ребенка, которую знаешь чуть ли не с рождения… Поверьте, не все это выдерживают. Даже мне делается тошно, – неожиданно сознался он. – И меня ничуть не утешает то, что Эва никого не узнает в такие минуты.

– И нельзя, чтобы кто-то узнал об этом? – снова не удержала я язык за зубами. – Если вдруг пойдет слух, что ее величество не просто больна, а…

– Договаривайте, сударыня. – Канцлер едва заметно дернул краешком рта. Наверно, это должно было обозначать улыбку. – Если распространится информация о том, что ее величество безумна, предсказать развитие событий не так уж сложно. Ей ни в коем случае нельзя исчезать более чем на неделю. Двое суток уже прошло.

– Ваше превосходительство… – пробормотала я. – Люди очень ее жалеют, я знаю… Когда в газетах писали, что ее величество снова захворала, многие девочки в нашем пансионе искренне молились о ее выздоровлении… И взрослые тоже: они ведь понимают, как трудно заниматься даже обычным хозяйством, а целая страна – это… это…

– Слишком тяжелый груз для хрупких девичьих плеч? – приподнял бровь канцлер. – Это верно. Тем более никто и представить не мог, что Эва станет королевой, да еще и в таком нежном возрасте. Разумеется, она получила… и продолжает получать лучшее образование из возможных, но это спасает лишь отчасти. Ее не воспитывали возможной преемницей отца, а разница мышления у наследника и младшей принцессы, поверьте, колоссальна.

Я кивнула.

– Простые люди действительно ее жалеют, – неожиданно добавил он. – Но другие, сударыня, очень даже не прочь избавить Эву от непосильной ноши и

возложить эту ношу на себя, желательно – вместе с короной. Замучился, знаете ли, отгонять таких доброхотов.

– Как только вы все успеваете! – невольно сорвалось у меня.

– Я не успеваю, – холодно ответил канцлер. – Мне не хватает часов в сутках. Я не отказался бы раздвоиться, но это, к сожалению, невозможно. Во всяком случае, так утверждает мэтр Оллен, и я склонен доверять его мнению.

«Он говорил с каким-то мэтром, – припомнила я. – Наверно, это придворный маг».

– Но от вас, сударыня, мне требуется только одно, – канцлер будто опомнился и заговорил жестче. – Маги рано или поздно вылечат ее величество, но до той поры мне понадобится девушка, способная заменить королеву на торжественных мероприятиях. Ею станете вы.

– Неужели больше никого…

– Нет, – завершил канцлер. – Ни одна не подошла, и у меня больше нет времени на поиски. Я и без того слишком много потратил его попусту… А в вас, судя по всему, есть капля королевской крови, а как она попала в ваши жилы, не станем уточнять, вы и без того догадываетесь, так?

Я кивнула.

– Мне показалось, вы неглупы, – сказал он. – А потому сумеете осознать простой факт: если вы меня подведете, смерть ваша будет долгой и мучительной. Я лично об этом позабочусь. Вам все ясно?

– Да, ваше превосходительство…

Я не стала спрашивать, что станет со мной, когда выздоровеет ее величество. Он ведь сказал бы правду, а я не хотела ее слышать. Было слишком страшно, а пока слова не произнесены, их как бы не существует, и пугаться нечего.

«Если справлюсь, меня убьют не больно, – мелькнуло в голове. – Нельзя же, чтобы кто-то узнал о двойнике! Но может, не станут? Возьмут самую страшную колдовскую клятву, вышлют куда-нибудь в глушь… Ну вдруг?!»

– Я буду очень стараться… – смогла я выговорить. – Только, пожалуйста, скажите прямо, чего вы от меня хотите! Что я должна делать и как? Я… я не понимаю, когда говорят обиняками, и все путаю, и может выйти только хуже!..

– У вас будут четкие инструкции, которым вам придется следовать досконально, – едва заметно улыбнулся канцлер. – Об этом не беспокойтесь.

Повисла неловкая пауза.

– До рассвета еще несколько часов, – сказал он, снова щелкнув крышкой часов. Я снова вздрогнула, услышав этот негромкий отчетливый звук. – Вам нужно вздремнуть. Утром я вами займусь. Вернее, сначала вами займутся горничные, затем – мэтр Оллен, а затем настанет и мой черед. Учтите, поблажек не будет. Время уходит. Представьте, что скоро экзамен, к которому вы еще и не начинали готовиться, но от которого зависит ваше будущее, и…

– Я даже о предмете не слышала, – шепотом сказала я, но канцлер услышал.

– В ночь перед экзаменом можно выучить даже иностранный язык. Мэтр Оллен поспособствует тому, чтобы необходимое как можно лучше уложилось у вас в голове, но прочее зависит только от вас. Чем грозит ваш провал, думаю, объяснять не нужно?

– Не нужно, ваше превосходительство, я…

– Имейте в виду: в приватной обстановке Эва называет меня по имени, – перебил он.

Я опять кивнула, а сама с ужасом подумала, что вряд ли сумею обратиться так к этому человеку, чужому, пугающему… Ее величество знала его с детства, поэтому имя слетало с ее губ легко и непринужденно, но я-то увидела канцлера вблизи лишь несколько часов назад, да еще при подобных обстоятельствах…

– Попробуйте, – сказал канцлер, словно прочитав мои мысли. – Можете считать, что экзамен начался. Представьте, что я глубоко задумался. Окликните меня и спросите о чем-нибудь. О любой глупости, это значения не имеет.

Он демонстративно отвернулся, а я попыталась задавить панику. Я же всегда любила воображать и, читая запрещенные в пансионе романы, представляла себя на месте главной героини, на долю которой выпадали чудовищные испытания, а в финале – невероятное счастье, на что мне рассчитывать не приходилось.

Не важно! Вот я – королева… Нет, лучше пока еще принцесса, самая младшая, наверняка немного избалованная: такой ничего не стоит вмешаться в разговор отца с канцлером и задать дурацкий вопрос, требующий немедленного ответа. Или даже потребовать помочь решить задачку, потому что первый путешественник никак не может встретиться со вторым, вышедшим ему навстречу, сколько ни бейся!

Но как она обращалась к канцлеру? Только по имени или называла, скажем, дядей, раз уж знала с детства? Вряд ли у них были настолько близкие отношения… Вот если бы канцлеру оказалось за семьдесят, тогда еще возможно, хотя… Не думаю, чтобы в королевской семье позволялись вольности по отношению к посторонним, пусть и очень верным людям.

Тут мысли мои свернули на другую дорожку: у ее величества ведь очень много родственников. Есть дядья и тетки, взрослые кузены и кузины, и прочие, прочие… Почему же регентом стал именно канцлер? Он ведь даже не коренной дагнарец! Такое имя поди выговори: Одо Химмелиц, герцог Мейнард… Его отец выслужился из низов, удостоившись внимания тогдашнего короля, получил в итоге и должность, и титул, сын пошел по его стопам. Правда, он рос бок о бок с покойным королем и, наверно, тот доверял своему канцлеру? И оставил какие-то распоряжения на случай своей непредвиденной гибели? Но как он мог предвидеть, что выживет только Дагна-Эвлора? Или его указания касались любого из детей? Хотя какие же они дети, наследник давно справил совершеннолетие, второй принц готовился к этому, следующие за ними принцессы-двойняшки уже были помолвлены…

С другой стороны, даже наследному принцу нужна поддержка. Конечно, совершеннолетнему регент не нужен, но неужели бы он отказался от помощи опытного канцлера?

«Может, и отказался бы, – невольно подумала я, – если бы решил, что тот пытается влиять на него. Или ему просто не нравился занудный и дотошный чиновник… И что бы возобладало? Желание сделать по-своему или здравый смысл? Погоди, а кто сказал, что все решения канцлера продиктованы здравым смыслом?»

Я поняла, что запуталась, и уставилась на собеседника. Вернее, сомолчальника. Он взял с журнального столика газету и просматривал ее, не обращая на меня внимания, но мне почему-то мерещилось тиканье часов. Пока лишь секундная стрелка шелестела по циферблату – «тик-тик-тик!» – но еще немного, и подвинется минутная с тяжелым «так…»

Нужно было выполнить его требование. Пускай даже в первый раз выйдет неважно, это все равно лучше, чем сидеть и молчать. И я спросила первое, что пришло в голову, изо всех сил постаравшись не запнуться на непривычном имени:

– Одо, а мэтр Оллен – волшебник, да?

Он опустил газету и смерил меня таким взглядом, что я сильнее вцепилась в ручки кресла. Потом вдруг едва заметно улыбнулся:

– Вышло лучше, чем я мог предположить. Но вам придется попрактиковаться. Когда мы наедине или в дружеской компании, представляйте, что я ваш любимый дядюшка, к примеру.

– Я ведь сирота, – напомнила я.

– Вы – да, а ее величество до недавнего времени росла в большой семье. И на что вам воображение? Неужели вы никогда не мечтали о подобном?

Я опустила голову. Мечтала, конечно, и еще как… Правда, иногда слышала рассказы домашних девочек о том, как живется в таких семьях, и думала – по сравнению с некоторыми мне еще повезло. В пансионе меня никто не бил просто так, от дурного настроения, – розги и прочие наказания можно не считать, их еще нужно ухитриться заслужить, – не оставлял голодной на целый день… Нет, раз-другой я лишалась ужина, но добрая Мика все равно приносила что-нибудь,

да и у девочек были припрятаны хоть галеты, хоть сухари на такой случай… Никто не кричал, не обзывал просто потому, что я не вовремя попалась на пути, не портил мои вещи (опять же стычки с другими воспитанницами – совсем другое дело), не выгонял зимой на улицу в тонком домашнем платье, не запрещал читать… Ну, почти, кое-что я все-таки листала исключительно тайком, но опять-таки это совсем другое дело! А еще мне не приходилось хлопотать по хозяйству, присматривать за маленькими братьями и сестрами, топить печь, бегать за покупками, носить воду…

Уроки домоводства в пансионе были вовсе не обременительными и очень интересными. Госпожа Увве понимала, что небогатым девушкам, пусть даже с образованием, открыто не так много дорог: или в гувернантки, в домашние учительницы, или вовсе в горничные, или замуж, а кто же возьмет бесприданницу, да еще и неумеху?

Мы обязаны были разбираться в продуктах и их качестве, уметь готовить, шить, штопать, стирать и гладить… Нас этому обучали с самого детства. Понятно, домашние девочки такие уроки посещали только по желанию: они или и так все это умели, или их родители были достаточно богаты, чтобы позволить дочерям не утруждаться ни теперь, ни в будущем.

Но в целом, если подумать… Я жила по-королевски.

Глава 4

– До рассвета еще два часа, – сказал канцлер, взглянув на часы. – Быть может, все-таки вздремнете?

– Я все равно не усну, – покачала я головой. – Зачем же тратить время понапрасну? Вы сказали, оно дорого.

– Именно так. Что ж, в таком случае познакомлю вас с мэтром Олленом, раз уж вы о нем спросили. Думаю, он еще не спит.

– Еще?..

– Он полуночник, – усмехнулся канцлер. – Ложится с рассветом, встает на закате. Конечно, его можно разбудить пораньше, но он будет очень зол.

– Он хорошо знает ее величество?

– Мэтр Оллен ее принимал, если вы понимаете, о чем я. И теперь старается поддержать, но он не целитель.

– Как же он тогда… ну… – я запнулась.

– Верно, вам неоткуда знать… – Канцлер снова потер виски. – Ее величество родилась немного раньше срока, хотя ничто, казалось бы, не предвещало. Рядом оказались только его величество, наследник и мэтр Оллен. Наследника, ясное дело, прогнали прочь, а они вдвоем… Справились, одним словом: покуда явилась помощь, все уже закончилось.

– А вы? – зачем-то спросила я.

– А мне там откуда взяться? Его величество вполне мог вразумить сына самостоятельно, а уж при поддержке мэтра Оллена – тем более.

– Ох, верно, я не сообразила, что наследник тогда был еще ребенком…

– Впредь соображайте, – сказал канцлер. – Покажется странным, если вы вдруг позабудете, сколько лет разделяют вас с самым старшим братом.

Наверно, он заметил, как я поежилась, потому что добавил:

– Начинайте натягивать чужую шкуру уже сейчас, сударыня. У вас были родители, двое братьев и две сестры. Вы не имеете права об этом забыть.

– Но как можно забыть о том, чего я не знаю?! – воскликнула я.

– В этом вам поможет мэтр Оллен – он мастерски работает с воспоминаниями. И не повышайте голос – это неприлично. А теперь помолчите, я попробую его дозваться…

Канцлер резко поднялся – я невольно вжалась в спинку кресла, хотя он не сделал даже движения в мою сторону, – шагнул к стене и коснулся какого-то рычажка. С тихим шелестом панель из драгоценного седого дерева отошла в сторону, обнаружив большое, в человеческий рост, зеркало. Канцлер подошел к нему вплотную и коснулся массивным перстнем, который носил на левой руке. Я поразилась – в стекле не отражался ни он сам, ни комната, оно было темным и пустым. Сперва ничего не происходило, потом вдруг поверхность зеркала пошла едва заметной рябью, засветилась, и я увидела…

Признаюсь, я ожидала встретить волшебника из сказки – умудренного годами седобородого старца, может быть, немного чудаковатого, но невероятно мудрого, с пронзительным взглядом лучистых глаз… В зеркале же оказался не молодой, но и далеко не дряхлый мужчина безо всякой бороды, лысый, как коленка, так что не выходило судить о его сединах, кроме как по бровям, а те были густы и черны. Резкие черты лица и смуглая кожа выдавали в мэтре Оллене уроженца дальнего запада Дагнары. Но вот взгляд действительно оказался пронзительным. Наверно, отчасти потому, что светлые глаза выглядели удивительно яркими на темном, изборожденном морщинами лице.

– Чего тебе не спится? – спросил он вместо приветствия.

– Угадаете причину с одной попытки, мэтр? – Канцлер сделал шаг в сторону.

Я подавила желание вскочить и сделать реверанс, а вместо этого улыбнулась. Наверно, вышла не улыбка, а судорожная гримаса, но я себя со стороны не видела и оценить не могла.

– Все же годится? Позови ее поближе, Одо! В этом проклятом старом стекле ничего не видать!

– Мэтр, я полагаю, вам следует обращаться к ее величеству как подобает, – негромко ответил канцлер.

– Может, прикажешь поклониться этой сиротке?

– Прикажу, – тем же тоном произнес тот.

Воцарилось долгое, нехорошее какое-то молчание, но наконец мэтр Оллен отвесил в мою сторону не слишком глубокий, не придворный, но все же уважительный поклон. Я в ответ наклонила голову и постаралась улыбнуться еще более приветливо. Кажется, у меня скулы свело от этой улыбки…

«Я же не выдержу, – мелькнула паническая мысль. – Я на второй день сойду с ума… Или даже на первый! Почему он решил, что я гожусь в двойники?»

– Лицо в самом деле похоже, – говорил тем временем волшебник, рассматривая меня, словно товар в лавке. – Но выражение не то. И неухоженная она, Одо. Скажи служанкам, чтобы отмывали в десяти водах и… ну, они знают все эти дамские штучки…

«Неухоженная? Сказать бы Мике, она бы как треснула его тазом по лысине! – с неожиданной злостью подумала я. – И если они хотят, чтобы я вела себя как ее величество… Попробую!»

И я сказала:

– Мэтр Оллен, я все еще здесь, если вы не заметили и продолжаете обсуждать меня так, будто бы меня нет. А если не заметили, так, может, вам пора обзавестись очками? На старости лет зрение сдает, это всем известно, не так ли?

Воцарилась тишина. Канцлер не повернулся ко мне, но мне показалось, что спина его выражает сдержанное одобрение. И предостережение тоже – не стоит злить магов.

– Нет, все-таки немного похожа, особенно когда сердится, – без тени раздражения произнес маг и шагнул вперед, чтобы оказаться перед нами. Зеркальная поверхность пошла рябью и вновь успокоилась, сделалась непроницаемо-черной. – Повезло наконец, а, Одо?

– И я так полагаю, – негромко произнес канцлер. – И раз уж вы решили явиться сюда, мэтр, так, может, соблаговолите произвести необходимые манипуляции?

– Думаешь, выдержит? – Маг уставился мне в глаза, и я лишь огромным усилием воли сумела не отвести взгляд. – Слабенькая девочка. Может, просто выдрессировать, да и сойдет, пока Эва не поправится?

– Нет времени, – коротко сказал тот. – Вы знаете, мэтр, скоро прибывают послы из Иссена. Отменить или перенести встречу нельзя. Зависит от ее результатов многое, поэтому…

– Поэтому ты готов рискнуть? Что ж, будь по-твоему…

Оллен отвернулся и принялся раздеваться. Я не отводила от него взгляд, но канцлер меня отвлек.

– Нет смысла тянуть, – негромко произнес он, придвинув стул и сев напротив, – раз уж никто из нас не спит, займемся делом.

– Но что…

– Сейчас вы увидите воспоминания Эвы, – еще тише сказал канцлер. – Те, что связаны с семьей, с ближайшим окружением. Я могу натаскать вас, и вы примете послов Иссена так, что они даже не заподозрят обмана, но этого мало. Никто, вообще никто не должен заподозрить, что королева – не та. Или не в себе. Недомогает, устала – возможно, но вы не имеете права не узнать, скажем, старую вдовствующую герцогиню, которая качала вас на коленях, и не одарить ее улыбкой. И вы не сможете запомнить подобных людей за оставшееся время, даже если я стану круглосуточно пытать вас их досье и портретами.

– А как же… ночь перед экзаменом? – несмело улыбнулась я.

– Это относится к встрече с послами. С ближним кругом всегда сложнее. Я просто не успею пересказать вам, кто и чем известен, как вы связаны… – Он болезненно сощурился. – Поэтому выход только один, сударыня: мэтр Оллен вложит вам в голову то, что сумел считать из разума ее величества.

– Но я не гарантирую, что оно там поместится и тем более приживется, – добавил тот. – Говорю же, слабенькая девочка. Спасибо, если выживет. У тебя запасной нет, Одо?

– Увы, мэтр Оллен, – со сдержанным бешенством ответил канцлер, – поэтому постарайтесь обходиться с этой юной особой как можно аккуратнее.

– Не злись, я просто стараюсь разрядить обстановку немудреной шуткой. – Маг похлопал его по плечу. – И освободи мне место.

Клянусь, я готова была вцепиться в канцлера обеими руками, лишь бы не оказаться лицом к лицу с этим… странным человеком!

– Одо, как обычно, нагнетает обстановку, ему по должности положено, – сказал мне мэтр Оллен, усевшись напротив. Из одежды на нем остались одни видавшие виды подштанники, и это было настолько нелепо, что я подавила нервный смешок. – Не бойся. Смысла нет бояться: если получится, все будет хорошо, если нет – ты свихнешься и ни о чем уже не вспомнишь.

– Вы умеете приободрить, мэтр, – выдавила я улыбку.

– В мыслях не держал. Говорю как есть… – Он протянул руку канцлеру. – Давай, Одо. Раз уж решился, что тянуть?

Тот молча вынул из-за пазухи уже знакомую мне подвеску. Теперь я разглядела, что это вовсе не камешек, а крохотный флакончик рубинового стекла. И как можно было перепутать? Впрочем, в кабинете госпожи Увве я не слишком-то приглядывалась… Или, вероятно, кулон был зачарован от посторонних глаз, кто знает?

– Еле уговорили ее величество, – негромко сказал мэтр Оллен, покачав крохотный сосуд на ладони. – Не хотела, чтобы кто-то видел… всякое. Семейное. А куда деваться? Спасибо, она Одо любит до умопомрачения, ему и доверила свою память, а я так, помог: кто же сумеет ее извлечь? Не чужого же звать?

Я лишилась дара речи, перевела взгляд на канцлера, но по его лицу невозможно было что-либо прочесть. А спрашивать, что именно имел в виду мэтр Оллен, я не рискнула.

– Сядь прямо, – велел мне маг, и я повиновалась. Босым ногам сразу стало холодно на полу.

– Заглушки не забудьте, – сказал канцлер. – Чтобы не вышло, как в прошлый раз.

– Кто же знал, что несчастная будет так кричать? Не забуду, не переживай…

О ком они? О моей предшественнице? Что они с ней сделали?..

– Смотри мне в глаза, – мэтр Оллен взял меня за подбородок. – Вдохни поглубже, выдохни, расслабься. Да, вот так… Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох…

Я втянула носом вовсе не воздух. Это нечто было плотным, почти как вода – я однажды едва не захлебнулась в ванне, когда была совсем маленькой, и запомнила это ощущение, – однако вещество не перекрывало дыхательные пути. Я не задыхалась, но оно словно втягивалось внутрь, и…

Это было как фейерверк в ночном небе – на праздники их запускают столько, что видно из любого окна пансиона. Помню, мы с девочками бегали от одного подоконника к другому, запрыгивали на них, чтобы лучше видеть яркие огни, и даже сторож, даже дежурная воспитательница нас не ругали…

Мама?.. Да, это мама – красивая, в изысканном наряде, от нее тонко пахнет духами, она обнимает меня и сестер… Братья подходят поцеловать ей руку – они уже совсем взрослые юноши, такие… Такие, что если б я не была их сестрой, то непременно влюбилась бы! И я еще посмотрю, что за принцессу сосватали старшему, может, она мне не понравится…

Отец – высокий, массивный, когда он входит, в покоях сразу становится тесно. Когда я была маленькой, он поднимал меня к самому потолку, к сияющей волшебными огнями люстре, кружил и подбрасывал, а я смеялась…

Сестры и сейчас смеются – обсуждают женихов. Кажется, подумывают о том, как бы поменяться на время – из этого может выйти замечательное приключение! Они ведь так похожи, что их, кажется, только мэтр Оллен способен различить. Даже мама путает, что уж говорить о посторонних! Впрочем, Одо их тоже не путает. У него будто волшебное стекло в глазу, которое позволяет видеть обман: сколько раз я пыталась его провести, но ничего не вышло!

«Смирись, – сказал мне однажды второй брат со смехом, – это невозможно». Но разве я могла отступиться?

Одо был всегда, сколько я себя помню. Он маячил тенью рядом с отцом, вроде бы незаметный, но тот прекрасно слышал его голос. Старший Мейнард был такой же, но его я почти не запомнила, знала только, что Одо занял его место, будто всегда там находился. Может, так и было, если отец готовил его к этому едва ли не с рождения. Иностранец, сумевший занять один из ключевых постов в Дагнаре, не мог упустить его даже после смерти…

Отец его любил, уверена. Мама опасалась, но признавала, что настолько верных людей днем с огнем не сыщешь, а потому можно и потерпеть. Старший брат спорил с Одо до хрипоты и почти всегда проигрывал, а если побеждал, то с неизменными уступками. Второй вообще старался с ним не сталкиваться. Сестры считали, что канцлер – мужчина интересный, но настолько замкнутый, что, наверно, и не женится никогда, разве только ему прикажут. Ну или из чувства долга, чтобы воспитать наследника и поставить его на свое место, как сделал Мейнард-старший: тому ведь сосватали нашу очень дальнюю родственницу, то ли внучатую племянницу отца, то ли многоюродную кузину по материнской линии…

А я… Когда-то Одо снял меня с перил, по которым я решила съехать в подражание братьям, – они столько этим хвастались, и я решила, что тоже смогу, но застряла на середине, таким длинным был лестничный пролет и такая бездна разверзлась внизу… И ничего не сказал родителям, не говоря уж о моей прислуге, и предоставил мне самой объяснять, как это я ухитрилась порвать платье… Он действительно помогал мне решать задачки, потому что от объяснений учителя тянуло повеситься, причем у него на глазах, а Одо как-то ухитрялся парой фраз и росчерком пера объяснить то, что никак до меня не доходило. Главное, поймать его до совещания, потому что после он будет слишком зол, а до того – даже рад немного отвлечься и привести мысли в порядок…

Он не поехал с нами. Отец приглашал, но Одо отказался, будто чуял что-то неладное.

И тем вечером… Я действительно высунулась в окно, чтобы полюбоваться небывалой красоты закатом и замком на его фоне, крикнула назад, что мне не хватает этюдника, да и не сумею я нарисовать подобное… Посетовала, что до

сих пор не изобрели маленьких фотографических камер, которые можно носить с собой – вот так увидел красоту, щелкнул затвором – и получил картинку, причем цветную! Отец пообещал узнать, не представлял ли кто-нибудь проектов подобных изобретений, мама попросила меня закрыть окно, чтобы не дуло, и я хотела вернуться на место, но в этот момент поезд тряхнуло так, что я едва успела схватиться за раму, чтобы не выпасть. И шляпка слетела – я зачем-то попыталась поймать ее, повернула голову и увидела, как хвост поезда едет себе по рельсам, потом глянула в другую сторону – локомотив неудержимо рушился под откос… Я закричала, кажется, но следующий толчок выбросил меня в окно, и я словно взлетела на мгновение… Подо мною оказались кусты, тощая пегая корова проводила меня удивленным взглядом, а потом я кубарем покатилась по земле, стараясь только сжаться в комок, пригнуть голову к груди и закрыть руками – старший брат говорил, так больше шансов уцелеть, если падаешь с высоты. Не помогло – на моем пути оказался какой-то пень, и… больше я ничего не помнила.

Потом было черное, красное и белое. Глухое беспамятство, нестерпимая боль и облегчение, когда начинали действовать лекарства. А вскоре я услышала голос, он звал меня издалека: «Эва! Эва!» И я открыла глаза, а когда смогла разглядеть того, кто наклонился ко мне, разрыдалась и все пыталась протянуть к нему руки, но не хватало сил…

«Это правда она? – едва слышно спросила сестра милосердия, а когда Одо кивнул, как-то странно всхлипнула и ринулась наружу с криком: – Ее высочество! Ее высочество жива! У нас!.. Жива!..»

Тогда я еще не знала, что осталась одна. А потом – часто думала, что послушайся я маму вовремя, то погибла бы со всеми вместе и мне не пришлось бы выносить все это…

Я никогда не любила приемы, мне не нравились толпы гостей, мне скучно было говорить с ними о всякой чепухе. Меня хорошо обучили всему этому, я знала, что смогу стать достойной супругой знатного дворянина или даже младшего принца, но в этой роли мне не пришлось бы столько бывать на людях. Во всяком случае, так я считала. Может, ошибалась: случая проверить не представилось.

Теперь все это было моим: огромный и неожиданно пустой дворец, сады и поместья, а еще – страна, о которой я так мало знала, а еще меньше понимала, как ею управлять… И если бы не Одо…

Мне ведь предлагали отречься от престола, но Одо встал стеной и, помню, не больно, но обидно нахлестал меня по щекам, когда я устроила безобразную истерику: кричала, мол, видеть не желаю корону, провались пропадом эта страна, не хочу ничего решать…

Больше некому, сказал он. Вытри слезы и возьми себя в руки, иначе моргнуть не успеешь, как окажешься замужем за каким-нибудь захолустным дворянчиком, а на трон отца сядет твой троюродный дядя, которого все вы терпеть не могли! Думаешь, люди скажут тебе за это спасибо? Только-только жизнь вошла в обычную колею после проклятой войны, еще не хватало междоусобицы! Его ведь не примут, и что будет тогда, нужно описывать? Ты ведь хорошо учила историю, так?

И я смирилась, я надела корону и старалась изо всех сил, но с каждым днем королевский венец все сильнее сдавливал мне виски… Казалось, даже тогда, когда его нет на голове, он жжет огнем, и я лишаюсь способности рассуждать здраво, да что там – просто думать!

Одо не верил мне, но потом пришел мэтр Оллен, посмотрел внимательно, выругал придворных медиков последними словами и сказал – я больна. Я тяжело больна, и нужно что-то делать, срочно, потому что и так уже случилось чудо – страна удержалась на самом краю, качнулась, но устояла. Вот только эта ноша, похоже, сломала юной королеве спину или, вернее, проломила голову. И если ничего не предпринять, все станет еще хуже, чем после той катастрофы…

Было еще много всякого: чужие лица, разговоры, улыбки и жесты, и все это мелькало так быстро, что меня замутило, а потом я не вытерпела и взмолилась:

– Не надо! Перестаньте, мэтр! Я не могу… не надо больше, у меня голова разорвется!..

И вдруг все прекратилось.

– Говорил же, слабенькая, – мрачно буркнул мэтр Оллен и принялся одеваться. – Скажи спасибо, что хоть столько выдержала. Повторить не проси – точно свихнется.

– Спасибо… – прошипел канцлер и наклонился ко мне. – Как вы?

– Как будто у меня в голове маслобойка, – честно ответила я, заметила недоумение на его лице и удивилась в свою очередь: – Вы никогда не видели?

– Богиня миловала, – сухо ответил он, но тут же спросил другим тоном: – Очень больно?

В голове гудело и стучало, казалось, будто она распухла впятеро против положенного размера, но терпеть было можно. Так я и сказала.

– Ну, может, я и погорячился с выводами… – пробормотал мэтр Оллен. – Но повторять все равно не стану. Держи свое сокровище. А этой… сам знаешь, чего накапать. И сам поспи хоть пару часов, ты уже на умертвие похож. Бывай!

С этими словами он шагнул в зеркало и исчез.

Канцлер спрятал красный флакончик и закрыл потайную панель.

– Что случилось с другими? – спросила я. – С той, которая кричала? Наверно, она не одна была?

– Не выдержали, – коротко ответил канцлер. – Очевидно, чего-то мы не учли. Или, возможно, вас спасла королевская кровь. Ваша предшественница лишилась разума на моменте крушения. Вы продержались удивительно долго.

– И все равно не успела увидеть всего, так? – Я снова подобрала под себя озябшие ноги, не заботясь уже об обивке кресла.

– Увидели, просто не успели осознать. Не все, но большую часть. А оставшееся я в вас вобью. Если потребуется… – Он вдруг улыбнулся, горько, улыбка эта напоминала болезненную гримасу. – Если потребуется – оплеухами.

– Вам-то это зачем? – спросила я, поежившись. Рука у него тяжелая, если верить чужим воспоминаниям.

– Представьте, для кого-то клятва верности – не пустой звук, – ответил канцлер. – А теперь идемте. Я отведу вас назад. Сможете выспаться, а увиденное лучше всего уложится во сне. Полсуток сберегли, уже хорошо…

– Вы не спросите, что именно я увидела?

– Непременно. Вас ждет экзамен, забыли? Но прежде чем выпустить вас к самой строгой комиссии – почтенной публике, я допрошу вас сам.

Я послушно последовала за ним, чуть не лишилась чувств, когда магический переход вывернул меня наизнанку – кажется, это было чересчур после манипуляций мэтра Оллена, – но быстро отдышалась. Хорошо еще, канцлер не спешил, вернее, изо всех сил старался соразмерять свой шаг с моим. Получалось неважно, если честно.

Уже на гравийной дорожке я не выдержала:

– Одо, можно, спрошу?

Это были не мои слова, и я почувствовала, как напряглась рука, на которую я опиралась, вернее, за которую цеплялась изо всех сил, чтобы не споткнуться и не отстать. Так говорила ее величество, а я должна была сказать что-то вроде «позвольте задать вопрос» или «разрешите спросить». Но ведь такие мелочи и есть самое важное, верно? Странно будет, если я стану обращаться к старому знакомому не так, как обычно! Конечно, официальная речь может подчеркнуть неудовольствие, но зачем нужно, чтобы кто-то решил, будто королева сердита на канцлера?

– Спрашивайте, конечно, – ответил он и явным усилием воли умерил шаг.

Он всегда был таким – не порывистым, но стремительным в движениях, и отец… то есть его величество порой ворчал, что не в состоянии уследить за перемещениями Одо. Вот только что был здесь, подавал бумаги – и уже исчез, и оказался на другом конце зала! Хоть гирю ему к ноге приковывай, как каторжникам в незапамятные времена, чтобы немного замедлить…

– Зачем мэтр Оллен раздевался?

Клянусь, канцлер споткнулся.

– Это все, что вас заинтересовало?

– Конечно же, нет, но другое… как вы сказали, не улеглось еще в голове, – созналась я. – А настоящих магов я никогда не видела, поэтому интересно… Так зачем мэтр Оллен снял одежду?

– Спросите что полегче, – мрачно ответил он. – В прошлые разы он так не поступал. Максимум – сбрасывал свой кошмарный балахон, если являлся при полном параде.

– Может, хотел меня… ну, смутить? Или даже шокировать? У него на коже такие рисунки, что…

– Какие еще рисунки? – Канцлер приостановился.

– Он же весь разрисован, – удивленно сказала я. – То есть, наверно, это татуировки, я читала… Он велел мне смотреть ему в глаза, но я успела кое-что рассмотреть до того, как он начал… процедуру.

– И что же у него за изображения на теле?

– Не могу описать, – подумав, ответила я. – Очень сложные узоры, они перетекают один в другой, и если долго смотреть, кажется, словно они шевелятся под кожей. Иногда мерещится чье-то лицо… или морда, цветок или совсем что-то непонятное, но такое… Как бы объяснить… Оно ужасное, отвратительное, тошнотворное, но взгляд отвести невозможно! Как бородатая женщина или самый толстый человек в мире – так описывали девочки, которые бывали в цирке, я-то только афиши видела.

– Гхм… Гениальное сравнение, – поперхнулся канцлер. – А воспроизвести эти рисунки вы в состоянии?

– Вряд ли. И потом… я боюсь, – созналась я. – Они ведь наверняка колдовские? Тем более вы… вы их не видели, так?

– Не видел. Ну да это ни о чем не говорит.

– Может, мэтр Оллен пытался меня напугать?

– Вполне вероятно. Он как-то обмолвился, что с испуганными людьми проще работать – когда природная защита падает, повышается восприимчивость. Правда, он выбрал крайне странный способ для того, чтобы вас потрясти. К тому же вы не слишком-то удивились, так?

– Я видела в анатомическом атласе человека совсем без кожи, – сказала я не без гордости. Чего мне стоило добыть эту книгу из шкафа госпожи Увве, а потом незаметно вернуть на место, лучше даже не вспоминать. – Рисунки на коже выглядят получше. А что до прочего, то мэтр Оллен… ну… даже не вовсе разоблачился.

– Вы полагаете, я позволил бы ему раздеться догола в присутствии несовершеннолетней девицы, вверенной моему попечению? – холодно осведомился канцлер.

– Но он ведь волшебник. Что вы можете ему сделать? Приказать? Он бы отказался со мной работать, вот и все. Еще раз приказать? А вдруг мэтр Оллен обиделся бы и совсем испортил мне мозги? То есть… – Я перевела дыхание. – Не знаю, зачем бы ему это понадобилось, но вдруг я ему просто не понравилась? Не понравилась же, так?

Канцлер кивнул.

– Почему? Потому что я… из приюта, как вы сказали? Плохо одета, у меня дурные манеры?

– Вовсе нет, – сказал он после долгой паузы. – Одежду легко сменить, Прочее… бывает и хуже. Должен отметить, что госпожа Увве уделяет достаточно внимания этой стороне воспитания.

– Она всегда говорила, что даже нищая девушка с безупречными манерами легче найдет себе место, нежели неотесанная грубиянка. Если, конечно, она не место прачки ищет, – добавила я справедливости ради.

– Знали бы вы, сударыня, сколько таких нищих и безупречных вылавливают из реки… – непонятно ответил канцлер. – Мы уже пришли. Вы помните, где ваша спальня, не заблудитесь? Тогда идите спать, а перед тем выпейте вот это… Мне тоже нужно закрыть глаза хотя бы ненадолго, иначе придется хоронить либо меня, либо того, кто попадется под горячую руку.

Чужое воспоминание мелькнуло в голове: канцлер бывает очень зол, если не выспится. К счастью, ему хватает пары часов, чтобы прийти в себя, и в таком режиме он может существовать очень долго. Но вот беда: иногда и этих часов не находится…

Глава 5

Мне ничего не снилось. Наверно, причиной тому было снадобье, которое заставил меня выпить канцлер. Будь это пилюли, я сумела бы спрятать их за щекой и выплюнуть. Все мы это умели: в пансионе порой давали средства от паразитов, после которых многие девочки целыми неделями не могли высидеть урок до конца, а потому приходилось выкручиваться. Увы, с каплями такой фокус не вышел бы, тем более канцлер пристально следил за мной, покуда я не выпила все, что было в стаканчике.

Проснулась я рано, как привыкла: в пансионе будили до рассвета. Некоторые домашние девочки с наслаждением рассказывали, что дома в выходные могут спать или просто лежать в постели хоть до полудня, но пансионеркам такое дозволялось, только если они тяжело болели. Чуть свет приходила горничная, будила всех, и мы, дрожа от холода – в каменных стенах старого здания даже летом было зябко, – принимались одеваться и умываться.

Но на этот раз меня никто не будил. Я открыла глаза, увидела незнакомый потолок, взглянула налево – сквозь легкие шторы пробивался серый утренний свет – и вскочила. Проспала! Уже рассвело!

И тут же вспомнила, где я и что со мной случилось…

Постель по сравнению с привычной была настолько мягкой, а одеяло – теплым, что я зарылась головой в подушки и вообразила себя медведем в берлоге, под толстым снежным покрывалом. В пансионе я тоже играла в медведя, когда была помладше, но долго прятаться не выходило: безжалостная Рина, а потом пришедшая ей на смену Мика срывали тонкое одеяло, приходилось вставать.

Не знаю, сколько я так лежала: часов в комнате не было, а осеннее утро, особенно пасмурное, – совсем не то же, что летнее, не угадаешь, сколько прошло времени. Уснуть не удавалось: я не привыкла спать так долго, к тому же очень хотелось есть: у меня во рту ничего не было с прошлого обеда, кроме булочки и стакана молока…

Наконец приотворилась дверь, кто-то вошел. В щелочку я увидела – это Нэна – и наконец услышала ее голос, тихий и мягкий:

– Госпожа, уже утро. Извольте просыпаться.

Я рывком села на кровати, скинув одеяло, и удивилась, до чего же здесь тепло! В наших спальнях осенью и зимой нужно раздеваться и одеваться очень быстро, чтобы не продрогнуть. Еще горничные строго следят за тем, чтобы чулки были сложены на стуле поверх остальной одежды, а тех пансионерок, кто пытается хитрить и спать прямо в них, чтобы было немного теплее, наказывают: так одежда быстро приходит в негодность, не напасешься! У полупансионерок – тех девочек, что уходили домой только на выходные и праздники, и то не всегда, а в остальное время жили с нами, – конечно, были теплые ночные рубашки, но тоже не у всех…

– Что госпожа желает на завтрак? – невозмутимо спросила Нэна, и я растерялась.

Откуда мне знать, что я желаю? Сколько себя помню, завтрак в пансионе был одинаков: жидкая каша с жалкой лужицей растопленного масла, тонкий ломтик хлеба с совершенно прозрачным кусочком сыра и – самое главное! – большая кружка горячего травяного отвара, сдобренного медом. Еще нам полагались фрукты – по сезону, самые недорогие. К середине зимы мы уже видеть не могли яблоки: полежав, они делаются почти безвкусными и какими-то… ватными. Но не портятся, потому на зиму закупают именно этот сорт.

Иногда на каникулах или в праздники госпожа Увве звала меня ко второму завтраку и угощала чем-нибудь вкусным, даже пирожными, но я ведь не могу сейчас потребовать пирожных? Или могу? Или…

– Сначала я хочу умыться, – сказала я, сообразив, что как-то нелепо завтракать в постели, не приведя себя в порядок.

То есть знатные дамы в книгах только так и поступали, но даже домашние девочки соглашались, что в действительности никто себя не ведет подобным образом. Разве только прикованные к постели, но и тем помогают умыться…

– Как будет угодно госпоже, – невозмутимо отозвалась Нэна. – Но не изволит ли госпожа сначала распорядиться насчет завтрака?

– Ну… пускай будет как обычно, – сказала я, спуская ноги с кровати, а Нэна кивнула, сделала несколько шагов к двери и что-то приказала неразличимым шепотом.

Ох… Знать бы еще, что обычно ест на завтрак ее величество! Я попыталась выискать это у себя в голове – не зря же мэтр Оллен вкладывал туда разную премудрость, – но тщетно. Наверно, сведения о всяких вдовствующих герцогинях и многоюродных племянниках были намного важнее вкусовых пристрастий настоящей Эвы.

– Извольте, госпожа. – Нэна поманила меня к себе, и я встала. И поразилась – босые ноги едва не по щиколотку утопали в пышном ворсе ковра.

Ночью я как-то не обратила на это внимания. «Какая же мука его чистить, – мелькнуло в голове, – ну, если он не заколдован, конечно».

Я думала, Нэна польет мне из кувшина, но нет: горничная открыла дверь, и я оказалась в другом помещении.

– Может быть, желаете принять ванну, госпожа?

Я уставилась на нечто размерами втрое больше того корыта, в котором мы обычно купались в пансионе, – тут плавать можно было, не иначе! – и кивнула.

Вчера с дороги я только умылась… и тогда Нэна действительно поливала мне из кувшина! Сегодня все заметно изменилось, подумала я и едва не шарахнулась в сторону, когда в блестящую ванну хлынула вода – над ней курился пар.

– Дозвольте помочь, – сказала Нэна и совлекла с меня ночную рубашку.

Мне никто не помогал с мытьем с тех пор, как я выросла настолько, что оказалась в состоянии удержать ведро с горячей водой (хотя бы вдвоем с кем-нибудь) и не ошпариться: водопровода в старинном здании пансиона не было. Мы с девочками друг другу помогали, конечно, – сама себе спину не потрешь, да и волосы сложно как следует промыть, если кто-нибудь не льет на голову.

Нэна, однако, действовала так, будто ухаживать за взрослой девушкой, словно за маленьким ребенком, ей совершенно привычно, и ничего необычного она в этом не видит. Может, так положено? Наши домашние девочки о таком не рассказывали, но ведь они происходили не из самых знатных и богатых семей и о том, что делается во дворцах, знать не могли…

Я покорилась, только попросила добавить холодной воды, не то в ванне свариться можно, и Нэна послушалась. Потом она сушила и расчесывала мои волосы, – наверно, канцлер донес до нее слова мэтра Оллена о том, что меня нужно отмывать в трех водах, – подпиливала ногти, чем-то мазала лицо. Я чувствовала себя куклой, честное слово. А уж когда Нэна взялась меня одевать, сходство сделалось несомненным… Ну неужели я сама не в состоянии натянуть чулки? Хотя… с такими тонкими, наверно, не совладаю – нужна сноровка, а я их просто порву, привыкла ведь к совсем иным. И платье – на нем столько крючков и завязок, и все на спине… самой не справиться. У нас платья застегивались спереди, потом сверху надевался форменный черный фартук для защиты от чернил и прочего, вот и весь туалет. Даже учительницы носили такие платья – кто стал бы им помогать? У горничных и без того забот полон рот, а личная прислуга есть только у госпожи Увве. Но и она одевается крайне скромно: считает, что это должно подавать пример остальным. Конечно, ее наряды намного лучше сшиты, чем у остальных, ткань дороже, но издалека не отличишь.

Тем временем принесли завтрак. Его сервировали на маленьком и, на мой взгляд, неустойчивом столике, – и я, признаюсь, потеряла дар речи. Нет, я понимала, что ее величество ест совсем не то же самое, что подают в пансионе, но все-таки удивилась. Мне казалось, что юная королева должна питаться

какими-нибудь заморскими фруктами, марципанами и прочими сладостями, но… Под серебряной крышкой исходила паром яичница с ветчиной и какими-то незнакомыми овощами – Богиня, я пробовала такое всего несколько раз, у госпожи Увве, и то мне полагался маленький кусочек! Золотились поджаристые кусочки хлеба, таяло масло в масленке, заманчиво поблескивало что-то вроде варенья в вазочке, дымился травяной отвар в тонкой фарфоровой чашке…

«Это что, мне одной?» – подумала я, вовремя прикусив язык.

– Отрадно видеть, что к вам возвратился аппетит, госпожа, – сказала Нэна, когда я взялась за еду. Хорошо еще, застольному этикету нас учили преотменно, можно было не опасаться опозориться.

Королева никогда не отвечала на такие реплики, но я по привычке сказала:

– Благодарю, Нэна, очень вкусно.

– Рада слышать, госпожа, – поклонилась она, собирая посуду. – На обед изволите черепаховый суп или что-то иное?

– П… пускай будет суп, – поперхнувшись, выговорила я. Никогда в жизни такого не пробовала, только читала!

– Как прикажете, госпожа. Изволите отдохнуть после завтрака?

«Отдохнуть? Разве я устала?» – озадачилась я. В пансионе меня ждали бы занятия до полудня, потом короткий перерыв, снова занятия, и время до обеда тянулось нескончаемо долго…

– Нет. Кажется, Одо хотел о чем-то переговорить, – имя слетело с моих губ чуточку легче, чем вчера. – Он здесь?

– Его высокопревосходительство ожидает вас внизу, госпожа, – ответила Нэна. – Только…

«Да, верно, нужно переменить утреннее платье на то, в котором можно встречать гостей, – сообразила я. – Только канцлер – не гость, он видел королеву

еще в коротких штанишках, а то и вовсе в пеленках, да и потом она себя не утруждала соблюдением приличий».

– Не желаю тратить время понапрасну, – сказала я как могла более капризно. – Поди скажи – сейчас спущусь.

– Хорошо, госпожа.

Похоже, с Дагной-Эвлорой никто никогда не спорил, кроме разве что канцлера, и это меня, признаюсь, пугало. Как я могу представляться ею, если привыкла, что каждый мой шаг ограничен, а на любой вопрос может последовать ответ «тебе еще рано об этом знать»?..

* * *

– Не так плохо, как я ожидал, – встретил меня канцлер. Судя по всему, ему удалось немного поспать – тени под глазами исчезли. – Но со слугами вы обращаться не умеете, сударыня.

– У меня ведь никогда их не было, ваше превосходительство, – ответила я и села напротив, расправив подол платья и чинно сложив руки на коленях. – И воспоминания, которые вложили мне в голову, не помогают.

– Неужто? Почему? – заинтересовался он. – Мэтру Оллену тоже любопытно будет узнать, что пошло не так… И не забывайте – я не его превосходительство, во всяком случае, пока мы не на официальной церемонии.

– Верно, я забылась, Одо, – почти без запинки выговорила я. – И не вполне понятно выразилась: я теперь знаю, как ее величество ведет себя со слугами, но… но… я так не могу. Правда не могу! Даже с Нэной – о ней ничего в памяти нет, но все равно… А с теми, кто знает ее величество с детства и любит, я тем более не сумею… как она.

– Так объясните – почему?

Я беспомощно развела руками.

– Мне… мне стыдно. То есть… если бы меня растили вот так, тогда бы все это я принимала как должное… но я же все время помню, что я не она, а другая! И хоть должна вести себя, как ее величество, не получается… Наверно, с каким-нибудь послом получится, потому что там этикет и протокол, а так… Может, мэтр Оллен сумеет заколдовать меня так, чтобы я не говорила «спасибо» всякий раз, когда прислуга приносит мне стакан воды?

– Не сумеет. – Канцлер смотрел на меня в упор. – Ничего. Слуги у Эвы молчаливые. Если и удивятся ее неожиданной доброжелательности, то спишут это на последствия катастрофы. В конце концов, у нее не осталось близких, не считая меня, а кто был с ней денно и нощно все эти годы? Правильно, прислуга. И Эва наконец осознала, что без верных людей не обойтись. Пытается сблизиться с ними, а выходит неуклюже… Это логично: ее никто не учил общению с простыми людьми, поэтому она неизбежно ошибается. Но все наладится.

– Правда?..

Канцлер едва заметно вздрогнул, а я вспомнила: ее величество иногда задавала вопрос таким же тоном – чуточку недоверчиво и с насмешкой. У меня получилось это не нарочно, клянусь!

– Правда, – ответил он. – А теперь займемся посольством Иссена.

– Как же экзамен? Вы сказали, что…

– Я совмещу полезное с неприятным. На дипломатической встрече, разумеется, вдовствующих герцогинь не ожидается, но вы можете повстречать знакомых где-то во дворце, и пренебрегать этой вероятностью нельзя. Но для начала расскажите мне все, что знаете об Иссене, сударыня.

У меня похолодела спина, как всегда бывало на экзаменах, и я напрягла память. Иссен – соседнее государство. Правящая династия… площадь… климатические зоны… население… полезные ископаемые… сельское хозяйство… промышленность…

– Довольно! – перебил меня канцлер, и я облизнула пересохшие губы. – Вижу, в этом вашем приюте… простите, пансионе, учат не так уж плохо. Не уверен,

будто ее величество помнит такие мелочи. Вы, в свою очередь, не осведомлены о многом другом, но это поправимо. Так… Память у вас, насколько я могу судить, недурная, поэтому слушайте, сударыня, и запоминайте. Потом перескажете, что именно запомнили.

– Хорошо.

Я села прямо и сложила руки на коленях за неимением классной парты.

– Сударыня, Эва никогда так себя не ведет, – тут же сказал он. – Она предпочитает выслушивать важные сведения, в особенности объемные, полулежа и закрыв глаза – это помогает ей сосредоточиться.

– Такого в моей голове нет, – порывшись в памяти, ответила я. – И простите, если я закрою глаза, то усну.

– Вы не выспались?

– Выспалась, но все равно задремлю. Как я могу сосредоточиться на рассказе, если не буду видеть вашего лица? Это получится… все равно что слушать сказку перед сном.

– Хм… Строптивостью вы очень походите на Эву, – сделал комплимент канцлер. – Хорошо. Времени на эксперименты нет, поэтому слушайте, как вам удобно. Главное – запоминайте детали.

Я кивнула и обратилась в слух.

Надо сказать, рассказ у канцлера вышел крайне сухим: господин Агсон намного интереснее повествовал о приключениях параллельных линий и равнобедренных треугольников, нежели герцог Мейнард – о сделке, которую предстоит заключить с Иссеном.

– Ваша очередь, – сказал он наконец. – Изложите вкратце, что вы поняли, в особенности – на что рассчитывает Иссен, а какие выгоды намерены получить мы.

У меня в самом деле очень хорошая память, но одно дело – просто повторить услышанное, и совсем другое – истолковать это. В особенности если еще вчера ты была обычной пансионеркой и ровным счетом ничего не понимаешь в этой политике!

Зато Эва понимала – тоже не особенно хорошо, но она все-таки росла при дворе, волей-неволей слышала беседы отца с матерью, с канцлером, знала, что к чему в отношениях с соседями, худо-бедно разбиралась в расстановке сил при дворе, поэтому ей было немного проще. Самую чуточку.

– Если я правильно поняла, – начала я, – то еще до гибели его величества велись переговоры о том, чтобы отдать угольные шахты в разработку иссенским промышленникам. Они почти иссякли, но Иссен убежден, что там еще осталось достаточно топлива. Вероятно, они желают опробовать новые технологии добычи, о которых ничего не известно. Даже шпионы не смогли ничего выяснить на этот счет, а это странно, так? Ой…

Канцлер коротко кивнул, не отреагировав на мой промах.

– Взамен они предлагают… простите, я не знаю – достаточно ли это большая сумма за аренду шахт на двадцать лет?

Что правда, то правда: мне приходилось считать в лучшем случае медные монетки, по доброте госпожи Увве попавшие мне в руки, а на них можно было купить разве что немного сладостей, когда нас вывозили на прогулку. Ну или попросить об этом какую-нибудь домашнюю девочку, только с ней приходилось делиться. Я бы с куда большим удовольствием купила книгу, но понимала, что копить придется несколько лет, а там уже и до окончания обучения недалеко, поэтому нет смысла изобретать сложные пути. Проще подождать, найти работу, а уж с жалованья покупать что захочется. Конечно, я знала, что вчерашней выпускнице много не заплатят, а еще придется одеваться и питаться на эти деньги. Но это все равно будет чуточку больше, чем медная монетка. А если госпожа Увве решит, что я могу остаться в пансионе и обучать самых младших девочек, то мне не придется тратиться на съемное жилье, а это очень большая экономия.

– По правде говоря, это не слишком много, – прервал мои воспоминания канцлер. – Поэтому мы торгуемся, повысив плату вдвое. Но на самом деле нас

устроит полуторная ставка, и иссенцы явно согласны на это. Остается заключительный штрих.

– Ах вот оно что…

– Продолжайте, сударыня. Пока вы все излагаете верно.

– Еще у короля Иссена есть двое сыновей. Старший уже женат, а второй пока даже не помолвлен. Он на три года старше ее величества… – Я постаралась вызвать в памяти лицо этого юноши, ведь Дагна-Эвлора наверняка видела иссенского принца на каком-нибудь балу или приеме, и мне это удалось. – Он довольно симпатичный, но не пришелся ее величеству по нраву.

– Эве вообще мало кто по нраву… – пробормотал канцлер. – Что далее?

– Наверно, эти шахты… ну, как приманка на крючке. Если дело сладится, пускай даже не принесет иссенцам большой прибыли, у них будет повод снова закинуть удочку.

– Сударыня, откуда у вас эти рыболовецкие ассоциации? – не выдержал он.

– Одна девочка из пансиона очень любит рыбалку и в каникулы целыми днями пропадает на реке с отцом, – сконфуженно ответила я. – А потом рассказывает остальным.

– Ясно… Так что, по-вашему, иссенцы вознамерятся выудить в следующий раз?

– Не знаю. Может, это будет еще какая-то сделка. А может, они сразу решат посватать ее величество за своего младшего принца.

– Вы как-то слишком хорошо разбираетесь в подобных вещах для девушки, выросшей в стенах приюта… пансиона, прошу прощения.

– Можете не извиняться, – не удержалась я. – Это получается у вас непроизвольно, как и у меня, так?

Канцлер смерил меня тяжелым взглядом, но ничего больше не сказал. Спросил только:

– Как вы до этого додумались? Память Эвы помогла?

– Нет, – сразу ответила я. – Ее величество, говорю же, думала о том, что его высочество ей не нравится и что танцует он неуклюже. И она ни за что не пойдет за него замуж, даже если он предложит, но это вряд ли, потому что она ему тоже не по душе. Наверно, какая-то другая девушка завладела его сердцем…

– Избавьте меня от цитат из дамских книжек! – не выдержал канцлер.

– Но вы же спросили, как я дошла до такого решения, вот и отвечаю… То есть я хочу сказать, в тех самых романах такое часто встречается, и я подумала, что нет разницы – выдуманные страны или настоящие. Автор ведь живет в настоящей, значит, подглядел что-то в реальности. Немножко приукрасил, переиначил, но суть от этого не сильно поменялась… Я говорю глупости, да? – с тревогой спросила я, глядя, как мрачнеет его лицо.

– Отчего же, вовсе нет. Изложено наивно, но суть, – тут канцлер едва заметно усмехнулся, – как вы и сказали, от этого не поменялась. Что ж, посмотрим, как пойдут переговоры… Вам, сударыня, нужно подготовиться. Вы, конечно, многое выучили… в пансионе, но эти сухие цифры мало чем вам помогут. Я дам вам досье на тех людей, с которыми придется иметь дело, а также на тех, кто, так или иначе, задействован в сделке, – промышленников, купцов и прочих. Сколько вам потребуется времени на то, чтобы ознакомиться с материалом и уложить его в голове?

– Не имею понятия. Я ведь не знаю, какого размера эти досье и сколько их, – растерянно ответила я.

– Прекрасно…

Я взглянула на него с недоумением.

– Я хочу сказать: прекрасно, что вы не бросаетесь пустыми обещаниями, – пояснил канцлер. – Материалов не так много – тех, что я отобрал для ее величества. Нескольких часов вам вполне хватит для ознакомления: схватываете вы быстро, как я мог убедиться только что, поэтому…

– Одо, – перебила я, изо всех сил вцепившись в складки на подоле. Необходимость называть канцлера по имени ввергала меня не то чтобы в ужас, но по спине всякий раз бежали мурашки. – Не надо то, что вы отобрали.

– Объясните, – нахмурился он.

– Вы же выбирали то, что показалось самым важным вам, взрослому человеку, канцлеру! А ее величество думает не так, я – тем более, поэтому и хочу прочитать все. То есть первым делом я выучу то, что необходимо, но… Вы не беспокойтесь, я очень быстро читаю и не потрачу много времени!

Что правда, то правда: иной раз приходилось читать роман, тайком принесенный домашней девочкой, ночами, в свете луны или стащенного огарка свечи, чутко прислушиваясь, не идет ли горничная или дежурная воспитательница. Днем я, конечно, изо всех сил старалась не уснуть на занятиях, но оно того стоило.

– Зачем вам это? – Он уставился мне в глаза. – Вам нужно всего лишь озвучить роль, которую я для вас напишу. Без отступлений, сударыня, иначе это может плохо закончиться.

– А для ее величества вы тоже… пишете? – дерзко спросила я.

– Разумеется. И не сравнивайте себя с ней. Эва по крайней мере выросла во дворце и знает, что допустимо, а что нет.

– Вот именно, – ухватилась я за его слова. – Как я могу хорошо сыграть роль, если не понимаю, что за ней стоит? В пьесах это, может быть, не очень важно: обозначено, что такой-то – старый граф сурового нрава, это – его юная мечтательная дочь, а это – случайно оказавшийся в их краях путешественник. Здесь все просто и понятно!

– Неужели?

– Да, сударь! Мать одной девочки из пансиона – швея, ей часто заказывают костюмы для местного театра, она часто там бывает и иногда берет с собой дочь – та помогает с простой работой. И она слышала, что говорят актеры: есть определенное… как же это…

– Амплуа?

– Точно, именно это слово! Никак не могла вспомнить… Один обычно играет злобных стариков, другой – отважных юношей, третья – прекрасных дев… Но у персонажей нет никакой истории… Я очень путано говорю, да? – опомнилась я.

– Путано, но я, кажется, начинаю улавливать нить вашей мысли, поэтому продолжайте.

– Гм… Словом, у персонажей нет истории. Мы даже не знаем, почему граф злобный: от природы или с ним случилось что-то. Если в пьесе об этом не написано, то мы так и не поймем, почему он прогоняет от дочери женихов или вовсе казнит любого, кто на нее посмотрит. Так и с этими досье: вы напишете, что такой-то господин – промышленник, владеет тем и тем, намерен вложить в шахты такую-то сумму. А почему? Почему именно он, почему именно столько, почему в наши шахты, будто в Иссене их мало?..

Я с трудом перевела дыхание и закончила:

– Вы, наверно, все это знаете и так. И ее величество знает или хотя бы слышала. И поэтому вы о таком не напишете – это же очевидно! А я стану сидеть и моргать, а если кто-то станет намекать на нечто такое, что я должна знать ну… по умолчанию, то…

– Вы будете выглядеть дура дурой, – любезно закончил канцлер. – Или хуже: в вашем искреннем неведении послы углядят какой-то намек или даже оскорбление… Надо же, я не смотрел на проблему с этой стороны. Что ж… Будет вам досье. Но, повторяю, своей роли вы должны следовать до последнего слова. Никакой импровизации, это вам понятно?

– Конечно…

– В таком случае отправляйтесь наверх. Досье я пришлю, а вы покамест примерьте наряды. Фигуры у вас с Эвой немного различаются, нужно будет подогнать.

Наверно, если бы кто-нибудь когда-нибудь сказал мне, что однажды я буду примерять платья ее величества, я бы только рассмеялась: это ведь невозможно! Ну только если не предположить, что я каким-то образом окажусь при дворе – прислугой, разумеется, – и мне достанется старое платье королевы в качестве награды за усердную службу.

Но эти наряды были совсем новыми: Дагна-Эвлора их еще не надевала – мастерицы шили по хорошо известным меркам, а до финальной примерки дело не дошло.

И вот тут-то всех нас поджидал неприятный сюрприз…

Глава 6

Прежде всего я не привыкла к корсету. В пансионе их заставляли носить только тех девочек, которые сильно сутулились или кривились набок, и которым не хватало для вразумления шлепка линейкой между лопаток. Мысль о необходимости тратить время поутру еще и на шнуровку этого приспособления обычно приводила жертву в такой ужас, что она принималась тщательно следить за осанкой.

В любом случае те корсеты затягивали не слишком сильно, лишь в той мере, чтобы не позволить ученице сгорбиться за партой. Ничего общего с тем орудием пытки, в которое в четыре руки затянули меня две крепкие горничные, похожие друг на друга как сестры. А может, они и были сестрами? Или их подбирали по внешности? Обе темноволосые, темноглазые, довольно рослые…

Я отыскала в памяти Эвы их имена – Эн и Эм, но так и не поняла, настоящие они, или же ее величество попросту звала девушек по первым буквам… не знаю, имени или фамилии.

Швею… то есть, я хочу сказать, швейного дела мастерицу первого ранга при дворе ее величества, дородную женщину примерно одних лет с госпожой Увве, звали госпожой Ланни. Королева, разумеется, фамильярно называла ее просто Ланни, как привыкла с детства.

Все они – в отличие от Нэны – состояли при королеве не первый год, и я поняла, что канцлер решил устроить мне очередной экзамен.

Королева не любила примерки, они ее раздражали, поэтому мое недовольное лицо никого не удивляло, и славно. Но, признаюсь, больше, чем реакция горничных, меня угнетала невозможность вдохнуть полной грудью. Теперь я отлично понимала, почему дамы в романах то и дело падают в обморок: если они вот так же затянуты, то достаточно малейшего усилия или даже сильного волнения, чтобы лишиться сознания от недостатка воздуха. А если дело происходит в жаркий день или в душном помещении, то тем более…

Конечно, горничным я об этом говорить не собиралась, но думала, что нужно собраться с духом и предупредить канцлера. Вряд ли он обрадуется, если мне сделается дурно посреди встречи с послами. Я выносливая, конечно, но кто знает, сколько времени это продлится? Хватит ли у меня сил вытерпеть? Не хотелось проверять вот таким образом.

Тем временем дошло дело до самого платья. Очень красивое, по последней моде, с рукавами-фонариками, оно на мне буквально трещало по швам. Во всяком случае, поднять руку я бы не рискнула.

Утреннее платье мне было впору, но его явно готовили для меня. Не знаю, сшили за ночь или подогнали готовое… например, то, что осталось от моей предшественницы.

Но как такое может быть? Канцлер ведь сказал, что у нас с королевой похожие фигуры, а раз так, мы не должны сильно различаться! Как могу я, воспитанница приюта, где нас кормили отнюдь не так сытно, как ее величество, оказаться настолько крупнее? Или дело просто в особенностях сложения? Королева, насколько мне удалось разглядеть, хрупкая, тонкокостная, а я… нет, я тоже не похожа на крестьянку, но явно шире в кости. Так-то в глаза не бросается, если не прикладывать мерную ленту, но в этом туалете…

– Вот так дела, – огорченно произнесла Эм. Она, стоя на коленях, упорно одергивала мой подол, словно надеялась, будто он волшебным образом удлинится. – Как же это вы промахнулись, госпожа Ланни?

За что немедленно и получила подзатыльник.

– Ошибиться я не могла, – прогудела швея, осматривая дело рук своих. – Однако…

– Бывает такое, – вставила Эн, подбирая отлетевшую от моего наряда пуговицу, – дети… ой, прошу прощения, госпожа, молодые люди, когда болеют, иногда быстро растут. Так вот встанет с постели, начнет одеваться, а рукава коротки, подол тоже, хоть плачь…

– Точно-точно, с моим братом именно так и вышло, – вставила Эм, сматывая ленту, и опасливо покосилась в мою сторону. Очевидно, королева не любила пустой болтовни, но я ничего не могла припомнить на этот счет. – Вот и ходил как подстреленный, пока другую одежду не справили. Хорошо еще, исхудал, так что хоть налезало на него старое…

«Да ведь со мной тоже такое было! – чуть не воскликнула я, но вовремя схватила себя за язык. – Именно после болезни: оделась, и оказалось, что руки неприлично торчат из рукавов, а подол короток…»

Тогда это не стало большой трагедией: мне всегда шили платья на вырост, поэтому подол и рукава отпустили, и я носила эту одежду еще года полтора, не меньше, покуда она не сделалась совсем тесна. Но то я, а в небогатой семье такой сюрприз наверняка оказался весьма некстати. А если не было отца и старшего брата, у которых можно было временно позаимствовать что-то… Впрочем, о чем я говорю! Даже если имелись брат с отцом, кто сказал, что у них несколько смен одежды? Тут остается или просить по соседям, или ходить в чем есть, пока не раздобудут хоть поношенное у старьевщика – слышала я и о таком.

– Одним словом, с этим уже ничего не поделаешь, – мрачно сказала госпожа Ланни и тяжело вздохнула. Ее внушительный бюст так натянул атлас платья, что я подумала: не лопнуло бы! Декоративные пуговки – те точно могли отлететь. – И как быть?

– Если это платье никуда не годится, – подала я наконец голос и постаралась скопировать манеру Дагны-Эвлоры, – сшейте новое. Времени еще предостаточно.

– Госпожа, я же так… в воздух спросила, – зачастила госпожа Ланни. – Неужели неясно: нужно немедленно обновить ваш гардероб! Извольте, сию минуту я сниму мерки, сама сниму, никому не доверю…

– И корсет мне нужен другой, – рискнула я. – Этот явно мал. Я в нем совсем дышать не могу.

– Конечно, госпожа, как изволите… А вы что стоите?..

Эм и Эн мгновенно разоблачили меня до белья, и вокруг образовался будто бы смерч из лилового атласа: для своего сложения госпожа Ланни передвигалась весьма шустро.

– Как быстро меняются девушки, – бормотала она себе под нос, измеряя, кажется, расстояние между моими ребрами. – Конечно, все нужно заменить, но не беспокойтесь госпожа, я всех засажу за работу, и даже если им придется шить круглые сутки, ваши наряды будут готовы в срок!

Я вспомнила рассказы той девочки о матери-швее, о том, как она набирает побольше заказов. Муж ее умер, других родственников то ли не осталось, то ли они не горели желанием помочь вдове, то ли сами были так же бедны, не важно! Главное, этой женщине приходилось шить днями и ночами, не разгибая спины и не смыкая глаз, чтобы хватало не просто на жизнь, а еще и на оплату пансиона, хорошую еду для дочери, учебники – они ведь недешевы. И та девочка говорила с горечью, что мать понемногу теряет зрение: экономит на освещении, потому что хорошие свечи слишком дороги, керосин тем более, а от простой сальной свечи много ли света? Приходится сильно напрягать глаза, вот и… Девочка надеялась только, что успеет выучиться и найти работу прежде, чем мать окончательно ослепнет, иначе все эти усилия окажутся напрасны.

– Не забудьте заплатить им вдвое за ночную работу, – не удержалась я, и женщины как-то странно переглянулись. Пришлось порыться в памяти Эвы и состроить неприятную гримаску. – Что вы на меня уставились? Вы не из своего кармана платите, Ланни, так? Потому извольте делать, что велено! Я проверю,

учтите.

Как я собиралась это делать – не знаю, не спрашивайте. Главное, мастерица как-то стушевалась и несколько раз кивнула.

– А цвета, госпожа? – произнесла она, суетливо собрав свои записи.

– Этот мне не нравится, – сказала я, потрогав рукав цвета голубиного крыла. – Я выгляжу в нем слишком бледной.

Это было чистой правдой: у меня светлая, совсем не тронутая солнцем кожа, и платье придавало моему лицу синюшный оттенок. Конечно, всем известно, что королева только что оправилась от болезни, но почему она должна походить на умертвие из детской сказки?

– Срок даже и малого траура истек, – добавила я, мысленно подсчитав сроки, – поэтому извольте подыскать цвет, который не превращает меня в покойницу.

– Что вы такое говорите, госпожа… – искренне испугалась госпожа Ланни. – Конечно… Конечно… Как вам будет угодно… Вы ведь сами выражали желание носить траур по возможности долго, а я…

– Я передумала, – перебила я. – Но не потому, что не скорблю больше. Я просто не желаю, чтобы посторонние считали, будто я ни о чем больше не могу думать, и не считали меня… легкой добычей. Так понятно?

– Вполне, госпожа.

Мастерица посмотрела на меня будто бы с испугом, потом встряхнулась, вздохнула и велела Эм (или Эн, я их все еще путала):

– Позови моих девочек с образцами тканей. Может быть, госпожа выберет прямо сейчас?

Я кивнула. В самом деле что тянуть?

Процесс выбора затянулся надолго, и все это время меня снедали самые нехорошие мысли. Очень о многом нужно было спросить у канцлера… если я осмелюсь, конечно, а он соблаговолит ответить. Вопросов скопилось столько, что впору записывать, но я не рискнула попросить письменный прибор, положилась на память. Мало ли кто прочтет мои заметки?

За этими мыслями я даже не разобрала вкуса удивительного черепахового супа, ела без аппетита и оставила в тарелке намного больше половины: очень уж сытным оказалось это кушанье. В пансионе принято было доедать все, но тамошняя кухня была привычна и не таила подвоха, а что со мной будет, если я через силу одолею эту порцию, представлять не хотелось.

– Вам не понравилось, госпожа? – спросила Нэна, убирая со стола. – Может быть, недостаточно специй? Но доктор сказал, вам пока не стоит есть острое и пряное.

Я только плечами пожала, потом спросила:

– Бывает же так: вдруг перестает нравиться то, что раньше любила?

– Пожалуй, госпожа, – после паузы ответила она. – В детстве я обожала недозрелые кислые яблоки и могла съесть сколько угодно, а теперь взгляну – скулы сводит.

– Вот и со мной, кажется, такое случилось. И доктор прав: мне совсем не хочется острого. Завтрак удался, но…

– Что прикажете подать на ужин? – тут же спросила Нэна. – Ах да, его превосходительство просил осведомиться, не согласитесь ли вы разделить с ним трапезу!

– Конечно… А что подавать… Спроси у доктора, пускай он порекомендует что-нибудь легкое, – выкрутилась я. – А вкусы Одо, полагаю, здесь хорошо известны?

– Да, госпожа.

В дверь постучали, Нэна открыла, что-то спросила, выслушала ответ – я ничего не разобрала, как ни прислушивалась, – потом вернулась.

– Его превосходительство приказал передать вам вот это, госпожа. – Она положила на прикроватный столик стопку пухлых папок. – И напомнить, что время не ждет.

– Спасибо, – сказала я, взяла верхнюю и села на кушетку, поджав босые ноги. Наверно, почти так, как это делала ее величество. – Не беспокой меня до ужина.

* * *

К ужину я спускалась уже в другом платье – тоже пошитом (или подогнанном) по моей фигуре, не королевской. В голове роились сотни вопросов, но с чего начать?

Трапеза началась в молчании – дежурные приветствия я в счет не принимала. Мне доводилось читать, как персонажи беседуют за столом, но, по-моему, это очень неудобно. В пансионе вообще запрещалось разговаривать во время еды, можно было только попросить передать соль, хлеб или кувшин с водой, не более того. Иначе как быть? К тебе обращаются, а у тебя во рту непрожеванный кусок, и что делать? Глотать с риском подавиться? Судорожно жевать, мычанием давая понять, что не можешь говорить? Элегантно выплюнуть в салфетку?

К сожалению, в памяти королевы я не нашла ничего о поведении в таких ситуациях. Наверно, мэтр Оллен и это счел чем-то не стоящим внимания и само собой разумеющимся. А зря!

В любом случае при Нэне – а она прислуживала за столом – канцлер явно говорить не желал. Пускай она многое знала, но все-таки…

– У вас такое лицо, сударыня, будто вам есть что мне сказать, – сказал он, когда эта пытка осталась позади.

То есть было вкусно – и Нэна явно последовала моему распоряжению, потому что порции у меня оказались втрое меньше дневных, и там не оказалось ничего острого и жирного. Но все равно – я никогда прежде такого не пробовала, поэтому мне очень понравилось. И опять же: осталось столько, что хватило бы угостить младший класс. Неужели так всегда бывает? Или королева сама справляется? Не похоже…

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов, Одо, – с трудом выговорила я, постаравшись скопировать тон Дагны-Эвлоры.

Кажется, получилось, потому что лицо канцлера приобрело напряженное выражение.

– Сначала спрошу я: вы успели прочесть досье?

– Только половину. Там очень много такого, что мне вовсе не понятно, но об этом я хотела поговорить позже.

Я изо всех сил старалась держать лицо, как говорила госпожа Увве, но не знаю, насколько мне это удавалось.

– Тогда спрашивайте. И покороче, будьте любезны.

Вздохнув поглубже (благо никакой корсет мне не мешал), я начала:

– Скажите, Одо, вся эта прислуга – она знает, что на самом деле я вовсе не ее величество?

– Нет.

– Их заколдовали?

– Нет.

– Тогда я не понимаю.

– Чего именно вы не понимаете?

– Рядом с ее величеством с самого рождения столько людей, что мне даже во сне не приснится! Та же госпожа Ланни наверняка обшивала ее с раннего детства, верно? Эм и Эн… они достаточно молодые, но они тоже помнят ее величество совсем еще девочкой, уверена.

– И что дальше?

– Они не могут нас перепутать! – не сдержавшись, воскликнула я. – Мы совершенно разные! И даже если со стороны это не очень заметно, то… они же меня переодевали! Неужели горничные не знают, как выглядит хозяйка без одежды? А госпожа Ланни? Будто опытная мастерица не представляет, насколько и как именно может измениться девушка! А я… я…

– Мне уже доложили – платья Эвы вам малы, – мрачно сказал канцлер. – Но вы повели себя именно так, как было нужно: приказали немедленно сшить новые. Я только не понял вашего распоряжения насчет оплаты. Что за чушь?

– Я объясню после, если вам будет угодно. – Слезы ни с того ни с сего подступили к горлу, но я сдержалась усилием воли.

– Мне будет угодно. Позже, – согласился он, не отводя от меня взгляда. – Однако, вижу, вы еще не закончили?

– Не закончила. – Я заставила себя выпрямиться, хотя куда еще-то? Вот когда не помешал бы тот самый корсет. – Объясните, почему госпожа Ланни, Эм и Эн не понимают, что перед ними другая девушка, если они не заколдованы? Только не говорите, что им хорошо заплатили: даже за деньги не получится так притворяться!

– Вы уверены? – с насмешкой осведомился канцлер, встал и отошел к окну. – Хорошо. Я вас обманул.

– То есть они все-таки заколдованы?

– Только самую малость. Вы правы: Ланни знает тело Эвы лучше ее личного врача и никогда не спутает ее величество с вами. С горничными проще… в какой-то степени.

– А как же посторонние? – спросила я. – Они ведь тоже заметят, а всех не заколдуешь. Посмотрите сами!

– О чем вы? – Он обернулся.

– Взгляните на мои руки, – я положила их на стол. – У ее величества совсем не такая форма пальцев, я заметила. У нее они… очень тонкие и немного сужаются к ногтям. А у меня прямые и… и… не такие изящные, одним словом. Вдруг послы обратят на это внимание? Я ведь буду без перчаток, верно? Это же не бал…

Пауза показалась мне долгой, даже слишком, но наконец канцлер шагнул ко мне и осторожно дотронулся до моей руки – я так и держала их перед собой.

– Вы слишком много думаете, сударыня, о тех вещах, которые вас не касаются, – сказал он. – Но это начинает мне нравиться.

– Не понимаю…

– Мэтру Оллену придется немного постараться и зачаровать для вас какой-нибудь перстень или браслет. А вам нужно будет поменьше выставлять руки на обозрение. Если незначительные изменения в фигуре ее величества способен распознать не всякий мужчина, особенно когда за дело берется Ланни, то руки – другое дело, они на виду. И даже если опять-таки мужчина не заметит разницы, женщина непременно обратит на это внимание.

Я выдохнула с облегчением: моя мысль оказалась вовсе не бесполезной. Однако ответа на вопрос я не получила, а потому продолжила:

– Так что же со слугами? Пускай госпожа Ланни, Эм и Эн немного… м-м-м… одурманены, но как же Нэна? Она знает, кто я такая на самом деле?

– Да. Вы не первая ее подопечная. Насчет Нэны можно не сомневаться – она связана клятвой жизни.

Это прозвучало просто, даже небрежно, но я поежилась: магическая клятва жизни, если верить книгам, убивает преступившего ее мгновенно и страшно. Кто бы мог подумать, что мне придется столкнуться с подобным? И тут меня осенило.

– А почему вы не взяли такую клятву с меня?

– Я даже не был уверен, что вы переживете внедрение памяти Эвы, – честно ответил канцлер. – Так зачем тратить понапрасну время и силы?

– Но я пережила, и она… она…

Я запнулась, не находя нужных слов. Я уже думала об этом днем: если бы мне приказали просто сыграть королеву, я постаралась бы, но у меня вышло бы неубедительно. Но теперь… Мне казалось, порой Дагна-Эвлора берет верх над моим разумом и нашептывает, что сделала бы на моем месте. Я сильнее – во всяком случае, пока, – но как укроешься от этого шепота? Даже уши не зажмешь…

– Она говорит у меня в голове, – сказала я наконец, и канцлер нахмурился. – Не очень громко. Я слушаюсь, когда нужно распоряжаться слугами, и вроде бы получается… Кажется, они принимают это как должное.

– Горничные ничего не заподозрили, – коротко ответил он. – Ланни… сложно сказать. Сетовала на докторов, которые морят ее величество голодом. Дескать, девушка выросла, но ведь одна кожа да кости… Вы что, малоежка? Хотя о чем я спрашиваю! Будто в вашем пансионе кормят досыта…

– Голодными мы никогда не оставались, – сердито ответила я. – Просто я не привыкла к такой кухне и тем более большим порциям и решила свалить все на доктора. Выздоравливающим ведь нельзя объедаться. Но вы снова ушли от вопроса…

– Которого именно?

– О слугах. Их должно быть намного больше, чем две горничные и Нэна, разве не так? Их всех… м-м-м… обработали?

– Конечно, нет. Для них ее величество отдыхает в загородной резиденции. Там большой штат прислуги ни к чему. При ней лишь врач, его помощники, несколько доверенных лиц и эти две горничные. Этого более чем достаточно.

– Но я видела в том особняке каких-то людей, а они видели и вас, и меня. Неужели все связаны клятвой молчания? Никто не проговорится, не пойдут

слухи? А если они ничего не знают, но вдруг услышат, что ее величество вела переговоры с посольством Иссена, и сообразят – ведь в это самое время она лежала в постели в том особняке, и как тогда быть?

– Вы не только слишком много думаете, но еще и говорите сверх всякой меры, сударыня, – сказал канцлер после паузы и потер переносицу. – Однако задаете разумные вопросы. На часть из них я могу ответить. Да, те люди связаны клятвой молчания. Прочие придворные считают, что я заполучил чрезмерное влияние над ее величеством. Время от времени кто-то даже пытается прорваться в особняк и повидать Эву, но защита там выше всяких похвал.

– А что, если кто-нибудь догадается о двойнике и решит проверить меня? – шепотом спросила я.

– Догадываются многие. На проверку решатся, – он едва заметно усмехнулся, – считаные единицы. Я укажу вам на них. Надо ли объяснять, что в общении с этими людьми вы должны быть…

– Даже более настоящей, чем истинная королева? – сорвалось у меня.

– Совершенно верно, – был ответ. – Возможно, вам придется повести себя дерзко, капризно и даже грубо – не с послами, разумеется, с придворными. Это характерно для Эвы, как ни прискорбно мне говорить об этом. К счастью, обычно она держит себя в руках, но иногда забывает о том, что давно уже является не младшей принцессой, а королевой.

Канцлер встал, отошел к окну, потом добавил:

– Ее очень баловали в детстве.

Я промолчала. Он мог бы и не говорить: я еще не успела узнать Дагну-Эвлору как следует, но того, что удалось выудить из обрывков ее памяти, вполне хватало, чтобы составить некоторое впечатление о личности королевы.

Скажу честно: я совсем ей не завидовала. И удивлялась, как это она еще смогла продержаться так долго, пускай даже при поддержке канцлера… В одночасье сделаться из младшей любимой дочери, которой дозволено все и даже чуточку

больше, но которая ничего не решает, а своего может добиться только упрямством или лестью, – правительницей страны… Нет! Лучше быть обычной сироткой, выросшей в пансионе: да, я жива, здорова и получила образование только благодаря доброте госпожи Увве, но от меня никто и ничто не зависит. Только моя собственная жизнь, а с этим я уж как-нибудь справлюсь…

Вернее, так было до недавнего времени. Теперь моя жизнь мне не принадлежала.

Канцлер очень долго молчал, глядя в темноту за окном… Хотя разве это темнота? Вдалеке светилась Королевская лестница, видны были огни столицы… В книгах любят писать, будто в этом городе никогда не наступает ночь. Теперь я убедилась в этом лично.

– Вот что, сударыня, – произнес он наконец. – Вы упомянули о клятве жизни. Я должен взять ее у вас.

– Как скажете, – по спине опять побежали мурашки.

– Должен, но не стану.

– Почему?..

– Потому что не имею ни малейшего понятия о том, что в этот раз сотворит мэтр Оллен. – Канцлер развернулся ко мне. – По-моему, даже вы догадались – что-то пошло не так.

– Не понимаю, – честно сказала я. – Он ведь должен был передать мне воспоминания ее величества? Но так и вышло, я могу найти в памяти… ну, почти все, что нужно. О слугах, придворных, советниках… Спросите о чем-нибудь, Одо, я уверена, что сумею ответить!

– Хорошо, попробуем…

Он долго бомбардировал меня вопросами о тех самых придворных делах, старых и совсем недавних, и мне удавалось отвечать правильно, пока не прозвучало:

– Три года тому назад. Двойная помолвка Дагны-Лиоры и Дагны-Ларины. Что вы мне тогда сказали о женихах сестер?

Я встрепенулась: уж на такой-то вопрос ответить несложно! Имена этих самых женихов сразу же всплыли в памяти, причем вместе с язвительной характеристикой, которую дала Дагна-Эвлора этим молодым людям, празднества тоже удалось вспомнить, но вот разговора с канцлером не было, как ни ищи.

Вот воспоминание о том, как Лиора надрала Эве уши за дурацкий стишок, в котором кровь рифмовалась с морковью, оказалось весьма ярким… а что поделать, если ее жених был ослепительно-рыжим, как все отпрыски великих герцогов Норгеу?

И запущенная Лариной туфля, которая просвистела мимо Эвиного уха и едва не убила комнатную собачку, тоже прекрасно вспоминалась: и ей Эва продекламировала стишок, не менее дурацкий, чем первый. На этот раз о длинных усах и о том, как они неизбежно окажутся в тарелке: суженый Ларины носил эти самые усы и очень ими гордился – в княжестве Герден это было последним писком моды.

– Только это и могу отыскать, – растерянно сказала я, пересказав все, что удалось вспомнить. – А с вами ее величество как будто и не разговаривала… Но я помню, как вы снимали ее с перил, когда она была маленькой! И как она просила вас помочь решить задачу или что-то объяснить! Не может же выйти так, что часть воспоминаний потерялась?

– Очевидно, может. И это не следствие травмы: вы можете воспроизвести, о чем говорилось на последнем заседании кабинета правительства, на котором присутствовала Эва, – а это было не так давно, – однако совершенно не помните о том, что происходило три года назад, хотя именно ко мне она прибежала прятаться от взбешенных сестер.

– Ничего не понимаю…

– Вы помните многое, но только то, что не связано со мной. Кстати, проверим… Вы можете отыскать в памяти Эвы что-либо, касающееся коронации?

Это было совсем просто. Правда, Дагна-Эвлора была так напугана и возбуждена предстоящей церемонией, что запомнила не так уж много: то, как на голову ее лег тяжелый венец, потом – бесконечное восхождение по Королевской лестнице, а следом – крики ликующей толпы и огненные цветы фейерверков в ночном небе…

– Как я и думал, – криво усмехнулся канцлер. – Сами догадаетесь, что вытворил мэтр Оллен?

Я задумалась. Воспоминания об Одо не исчезли из памяти Дагны-Эвлоры. Вернее, не совсем исчезли: говорю же, детские впечатления были достаточно яркими. А вот в самых последних канцлера не было или же он присутствовал этакой безмолвной тенью на заднем плане. Ничего не говорил, не наставлял, не поправлял, не журил, не ругал и не утешал – а я уверена, без этого обойтись не могло!

– Он… он как-то выдернул вас из многих воспоминаний ее величества, которые передал мне, – попыталась сформулировать я. – То есть вы там присутствуете, но никак не действуете. Я думала… то есть вы сказали, что пишете для ее величества речи и все прочее… И вообще, после гибели родных вы остались ее единственным близким человеком! Но этого нет в воспоминаниях, правда!

– Не повышайте голос, – в очередной раз напомнил канцлер. – Я вам верю. В ином случае – если уж вы уверяете, будто Эва нашептывает вам решения, – вы бы вели себя со мной совсем иначе.

– Но зачем мэтр Оллен так поступил? И как вообще такое возможно?..

– Хотел бы я знать!

– А… спросить нельзя?

– С удовольствием бы это проделал, сударыня, но если он не захочет отзываться, то отыскать его не представляется возможным.

– Что же это за придворный маг! – сорвалось у меня. – Вдруг война или что-нибудь похуже, а его и найти нельзя? Почему он позволяет себе такие

вольности? Разве он не на службе?..

Я осеклась и зажала рот ладонью.

– Это не я, ваше превосходительство, это…

– Я слышал если не голос Эвы, то ее интонации, – невыразительно произнес канцлер. – Она как-то спрашивала меня о мэтре Оллене почти в тех же выражениях. Что ж… выбора у нас нет, запасного плана – тем более, поэтому будем действовать по обстоятельствам. У меня еще много дел на сегодня, а вы… Вы дочитывайте досье. Завтра днем я загляну к вам и проверю, насколько хорошо вы запомнили материал.

– Как скажете. А… она… как? – с трудом выговорила я.

– По-прежнему, – ответил он, не поворачиваясь. – Спасибо, не хуже. Нужно ждать. Вы поможете тянуть время.

– И вы доверите мне это даже без клятвы?

– А чем вы можете навредить, даже если вдруг приметесь вести себя непотребно? Да, неприятно, но я успею вас скрутить. И заявлю, что ее величеству снова сделалось дурно. Придется отложить встречу, но такое случается.

– Но вдруг меня выкрадут и станут допрашивать? Я ведь уже много узнала о…

Я осеклась – канцлер едва слышно смеялся.

– Вы еще ничего не узнали, – проговорил он наконец и, клянусь, едва не протянул руку, чтобы потрепать меня по голове, но удержался. Я ведь была не той Эвой. – И никто не рискнет выкрасть королеву Дагнары. А теперь идите наверх и читайте. Повторяю – завтра я спрошу ваш урок.

– Как прикажете, – ответила я, встала, но кланяться не стала. От такой дерзости пробирали мурашки, но… Оно того стоило, клянусь!

Глава 7

– Это лишь формальность, – повторил канцлер, когда я спустилась в гостиную, одетая для выхода. – Перестаньте дрожать.

– Я вовсе не дрожу, – ответила я, посмотрев на свою руку, которую несмело положила на рукав его мундира.

– Хорошо, перестаньте вибрировать. Еще раз, коротко: что вы должны сделать?

– Поприветствовать послов согласно протоколу, несколько минут уделить светской беседе, затем выслушать предложение относительно шахт, дать согласие, подписать бумаги, во время разговора обаятельно улыбаться, – повторила я, не удержалась и добавила: – И не вибрировать.

– Прекрасно.

Он повернулся ко мне, окинул взглядом с головы до ног и сказал:

– Выглядите недурно. Хорошо, что в вашем пансионе девушек так скудно кормят: сложно было бы выдать вас за едва поднявшуюся с одра болезни, если бы у вас оказался румянец во всю щеку и фигура взрослой дамы.

– У одной девочки из старшего класса всегда были румяные щеки, невзирая на нашу скромную пищу, – снова не удержалась я. – Она умерла от чахотки два года назад. Но что правда, то правда: дородной ее назвать было никак нельзя.

– Надеюсь, в беседе с послами вы не станете вспоминать ваших знакомых из пансиона?

– Не могу дать такого обещания, но говорить о них не стану ни в коем случае.

– Искренне на это надеюсь… Идемте, сударыня. Время.

Переход знакомо закружил голову… На этот раз меня не мутило: то ли к такому средству перемещения со временем привыкаешь, то ли я настолько боялась предстоящего, что не обратила внимания на неприятные ощущения.

На этот раз мы оказались в незнакомой просторной, дорого обставленной комнате – я даже не поняла сразу, что это такое, гостиная или нечто подобное? Потом сообразила – личные покои ее величества. И вовсе не гостиная, а малая приемная. Вот та дверь ведет в кабинет, а если миновать его, то можно попасть прямиком в спальню.

Навстречу нам поднялись с диванов и кресел и тут же склонились в глубоких реверансах дамы и девицы. К счастью, никакой вдовствующей герцогини среди них не было, но мне и так хватало впечатлений…

– Ваше величество… – шелестели голоса. – Прекрасно выглядите, ваше величество! Как вам к лицу это платье, ваше величество…

– Ваше превосходительство. – Старшая из дам, сухощавая, с тонким и нервным лицом, подошла к канцлеру. На ней было темно-коричневое с едва заметным золотистым отливом вдовье платье. На груди сиял бриллиантами королевский шифр на муаровой ленте. – Вы уверены, что ее величество в состоянии… Простите, она так бледна!

«Ринара Эргин, графиня Ларан, старшая свитская дама», – тут же всплыло в памяти. Очень строгая, даже суровая – Дагне-Эвлоре не раз доставалось от нее за неуместные шалости, – но не злая. Ее не было в том поезде – врач настрого запретил ей подобные поездки в связи с тяжелой беременностью. Уверена, она часто думала о том, что лучше бы разрешил: в крушении погибли ее супруг и сын, а после известия о трагедии графиня потеряла ребенка. Тем не менее горе не сломило ее: своим долгом она почитала оберегать Дагну-Эвлору… И, признаюсь, именно ее я боялась особенно: она ведь знала ее величество если не с рождения, то все равно очень долго и могла заметить неладное.

– Это все потому, что доктор решил уморить меня голодом, – сказала я прежде, чем канцлер открыл рот. Кажется, мне удалось достаточно хорошо скопировать капризный тон Дагны-Эвлоры. – Представьте, милая Рина, он думает, что особая диета пойдет мне на пользу! Неужели нет: два дня такой пытки, и любой вскочит, чтобы раздобыть что-нибудь получше жидкой кашки на воде и этих

ужасных горьких напитков!..

– Судя по тому, как бойко работает ваш язык, ваше величество, вы действительно недурно себя чувствуете, – произнесла она: такие вольности позволялись в ближнем кругу, не на публике, разумеется.

Свитские девицы негромко засмеялись, а я увидела – у графини отлегло от сердца.

– Да, и почувствую себя еще лучше, если Одо разрешит мне съесть котлету… тайком от доктора, конечно же. Он обещал, – я покосилась на канцлера, – если я буду хорошо себя вести на переговорах.

– Жаль, я раньше не догадался, что ее величество нужно поощрять отбивными, а не сладостями, – невозмутимо произнес он. – Возможно, тогда с нею легче было бы сладить. А теперь – время, сударыни. Сударыня, вы убедились, что с Эвой все в порядке?

– Да, ваше превосходительство. – Графиня приблизилась ко мне и осторожно коснулась моей руки. – Но все-таки мне кажется, что ее немного лихорадит…

– Это исключительно от волнения, милая Рина! – воскликнула я и, как обычно делала это настоящая Эва, обняла ее за талию.

От графини исходил приятный легкий аромат – вроде бы ландыши и еще капелька смолы, наверно, духи такие. Лишь бы она не учуяла, что я пахну совсем не как Эва… Но нет, кажется, обошлось: не зря Нэна долго обрабатывала меня душистым мылом и извела, кажется, целую бочку травяного отвара – промывала им мои волосы, чтобы блестели и лежали послушно. Наверно, сейчас от меня пахло чем угодно, только не мной самой, и хорошо.

– Не мните платье, ваше величество, – строго сказала она, но не удержалась, погладила меня по плечу, сделав вид, будто поправляет оборку. – И примите серьезный вид. Не каждый день заключаются такие сделки.

– Я постараюсь, но только ради отбивной, – ответила я, потупив взгляд. – И зачем иссенцам эти дурацкие шахты? Их же сто лет как забросили!

– Эва, мне кажется или вы позабыли все, о чем я вам говорил? – негромко, но с явной угрозой в голосе произнес канцлер.

– Одо, это же просто фигура речи! Я помню, что к чему, но неужели нельзя было обойтись без меня? Все ведь уже решено!

– Да, но подпись должны поставить вы.

– Вы же регент, вот и расписывались бы сколько угодно…

– Эва!

Я еще ниже опустила голову и тяжело вздохнула. Кажется, получилось похоже. Во всяком случае, смешки свитских сделались громче, даже графиня Ларан едва заметно улыбнулась. А вот в голосе канцлера мне послышалась явная угроза. Но не думает же он, будто я настолько глупа, что решу пошалить в такой момент и тем самым поставлю под угрозу все предприятие?

– Время, – в который раз повторил он. – Прошу, ваше величество…

Я шла по бесконечным дворцовым коридорам и заставляла себя не таращиться по сторонам – когда еще такое увидишь? То есть… Дагна-Эвлора видела все это не раз и не два, но одно дело – чужие воспоминания, и совсем другое – собственные впечатления. Жаль, нельзя было остановиться и рассмотреть огромный парадный портрет, запечатлевший всю королевскую семью: посредине возвышался его величество, справа от него стояли сыновья, слева сидела ее величество с крохотной Дагной-Эвлорой на руках, а две одинаковые принцессы опирались на материнские колени. Покойная королева показалась мне доброй и кроткой. А еще почудилось, будто она провожает меня взглядом, но, конечно, это просто разыгралось воображение.

Я узнала перила, с которых снимал маленькую принцессу канцлер, и провела по ним рукой, словно раздумывая, не прокатиться ли еще разок. Судя по выражению его лица, он тоже прекрасно помнил тот случай, а сейчас думал о том, как сподручнее ловить меня за подол, если Дагна-Эвлора возьмет надо мной верх… Но дальше я шла чинно, как полагается. И даже почти не пугалась, когда раззолоченные лакеи распахивали передо мной тяжелые двери, а расставленные там и тут королевские гвардейцы в ярких мундирах становились

во фрунт, провожая глазами меня и следующий за мной цветник свитских девиц во главе с графиней Ларан.

«Что, если мэтр Оллен не просто передал мне память Дагны-Эвлоры? – подумала я, минуя очередной коридор. Кажется, осталось совсем немного, и хорошо, потому что от непривычных узких туфель у меня отчаянно болели ноги. – Вдруг он вживил мне часть ее характера? Ее образа мыслей? Что еще могло оказаться в том флакончике? Почему она иногда диктует мне, как себя вести? Со слугами, теперь со свитскими… А канцлер ведь сказал, что с моими предшественницами все было иначе. Если правда, что они не выжили, то действительно – иначе… Может, маг решил усовершенствовать свои методы? Но что получилось в итоге? И чем это может грозить?..»

– Не спите на ходу, – сказал у меня над ухом канцлер, и я поняла, что мы уже на месте.

«И это – малый королевский кабинет? Да он же больше нашей столовой в пансионе! – вот первое, что пришло мне в голову, когда я шагнула через порог. – Здесь в догонялки можно играть! Каков же тогда большой кабинет? Там, наверно, целый полк маршировать может. С оркестром…»

Разумеется, королевская особа встречала послов, расположившись со всеми удобствами. То есть это так канцлер мне сказал, но я никакого удобства не чувствовала, скорее, наоборот. Кресло с высокой спинкой было слишком велико для меня: если сядешь поглубже, то ноги не достают до пола, а о скамеечке почему-то никто не позаботился. А сидеть на краешке – тоже удовольствие невеликое. Вот тут я мысленно сказала спасибо корсету – хотя бы об осанке думать не приходилось, при всем желании не ссутулишься. И все равно, в этом кресле – отцовском, надо полагать, – я наверняка выглядела нелепо…

Наконец пригласили послов, и пытка сделалась стократ изощреннее: я все ждала, когда они наконец перейдут к делу, но какое там! Согласно протоколу, заходить следовало издалека, а послы, похоже, решили соблюсти его от и до. Судя по взгляду канцлера, это даже его немного удивило.

Хотя… что тут странного? Всем известно, что Дагна-Эвлора больна и недавно встала на ноги. Это первое ее появление на публике после долгого отсутствия. Скорее всего, думают послы, она еще слаба и не чает оказаться в своей тихой

спальне, а не выслушивать их речи. И вряд ли станет вникать в то, что именно они говорят: для этого ведь существует регент. А он свернет разговор, едва только заметит, что ее величество чувствует себя дурно, тут и думать нечего. Но переносить переговоры – такая морока… Значит, можно получить подпись, буквально взяв королеву измором. Или наоборот, все-таки перенести эти злосчастные переговоры, выиграв время… вот только для чего?

«При мне нет врача, – подумала я вдруг. – Как плохо! Кто же поверит, что ее величество едва оправилась от болезни, если рядом нет личного медика? Пускай бы он подходил, с обеспокоенным видом считал пульс, заглядывал в глаза… Как же это канцлер об этом не подумал? Нет, нет, не мог он забыть о подобном, наверняка врач где-то поблизости, просто не на виду. Может, ему ни к чему слушать эти вот разговоры… хотя ничего важного все равно еще не сказали!»

И тут, словно подслушав мои мысли, глава посольства, граф Сантор, рослый седовласый мужчина с орлиным профилем и неожиданно бесцветными глазами, произнес наконец:

– Если ваше величество позволит, мы хотели бы перейти к обсуждению той небольшой авантюры, которая привела нас в благодатную Дагнару…

– Авантюры? Как интересно! Прошу, продолжайте, сударь, – улыбнулась я.

Канцлер покосился на меня, но промолчал. Впрочем, я не выходила из образа Дагны-Эвлоры, а такой ответ был вполне в ее духе.

– Благодарю, ваше величество, – наклонил благородную голову граф. – Полагаю, вам уже доводилось слышать об этом предприятии от его превосходительства…

– Вполне вероятно, сударь. Не соблаговолите ли уточнить, о чем именно идет речь? Мне приходится выслушивать о состоянии стольких дел, что, право…

Я сделала выразительную паузу и постаралась принять скорбный вид, будто сетуя на то, что девичий мозг не в состоянии вместить всю ту прорву сведений, которыми пичкают юную королеву. То есть, разумеется, я не могла не знать, о чем пойдет речь во время этой встречи, но пускай думают, будто мне вовсе не интересны эти скучные дела.

– Речь о заброшенных шахтах на северо-востоке, ваше величество, – негромко напомнил канцлер, опередив графа. – Мы обсуждали предложение Иссена позавчера.

– Ах да, припоминаю, – улыбнулась я. – Оно показалось нам довольно заманчивым, не так ли?

– Весьма, ваше величество.

Честное слово, граф Сантор просиял. Конечно, он, опытный дипломат, не мог позволить выдать свои эмоции ни словом, ни жестом, но я видела, как вспыхнули его глаза.

«Странно все-таки, – подумалось мне. – Что им так дались именно эти выработки?»

Я уже спрашивала об этом канцлера, но у него имелась только одна версия: иссенцы действительно желают опробовать какие-то новые способы добычи. Почему не на своей территории? Очень просто: у них нет ни единого подходящего объекта. Вмешиваться в налаженную добычу в собственных шахтах… это может выйти слишком накладно. Вдруг нововведения не оправдают себя? Или просто что-то пойдет не так? Вряд ли кто-то захочет рисковать.

В случае же успеха Дагнара получит немалые средства, а Иссен сможет продавать свои разработки другим странам и в итоге покроет свои затраты, а потом и недурно заработает.

Во всяком случае, я поняла эту схему именно так. Возможно, в документах было больше подробностей, но одолеть их мне не удалось – слишком много незнакомых слов. Но уж, наверно, канцлер не с бухты-барахты идет на эту сделку? Должны же были горные инженеры и прочие сведущие люди проверить все эти выкладки, прежде чем дать добро? Ведь это так делается, разве нет?

Но что, если…

– Господа, не соблаговолите ли еще раз обрисовать вкратце суть этого предприятия? – попросила я, не обращая внимания на бешеный взгляд канцлера.

Вмешаться, перебив меня, он не мог – это стало бы вопиющим нарушением протокола, на что непременно обратили бы внимание все присутствующие, те же свитские, не говоря уж о самих послах. Но я была уверена – он отыграется на мне потом…

– С удовольствием, ваше величество.

– Только, прошу вас, имейте снисхождение – не нужно специальных терминов! Мне совершенно не хочется знать, как называются все эти… агрегаты и прочие приспособления, тем более я никогда их не видела и даже вообразить не могу, что это и для чего предназначено.

– Как будет угодно вашему величеству, – сдержанно улыбнулся Сантор. – Итак, угольные шахты на северо-востоке Дагнары. С вашего позволения, вот карта, здесь обозначен этот район…

– Надо же, какая подробная, – вслух удивилась я. – А что означают вот эти черточки? А эти? Ничего не понимаю!

Судя по взгляду канцлера, он тоже чего-то не понимал. И при этом заметно насторожился.

– Это карта геологической разведки, ваше величество, ими пользуются в соответствующих ведомствах. – Тон графа показался мне чуточку снисходительным. Вот и отлично, пускай объясняет буквально на пальцах. – Здесь обозначены не просто реки, леса, дороги и населенные пункты, как на обычных картах, а еще и состав земель и содержимое недр. Вот этот значок обозначает песчаные почвы, а этот – болотистые.

Он обвел жестом довольно большой участок:

– А это, ваше величество, угольный бассейн.

– Какой огромный! Настоящее море! – воскликнула я.

– Это лишь наши предположения, ваше величество. Согласно данным, полученным из дагнарского Управления недрами в рамках проекта взаимопомощи и обмена научной информацией, бассейн занимает втрое меньшую территорию, – граф указал на прерывистую линию внутри сплошной. – Вероятно, в те годы, когда эти шахты были признаны бесперспективными и закрыты, методы разведки еще не отличались большой точностью и не позволяли определить, имеется ли у разработки потенциал.

– Надо же, как интересно, сударь! – снова восхитилась я, рассматривая карту. Взгляд мой зацепился за знакомое название реки. Неужели… – Получается, в Иссене придумали способ определять подобное?

– Да, ваше величество. Однако новые методы требуют проверки на практике. Именно поэтому мы обратились к вам: свои выработки мы изучили в достаточной мере, чтобы научиться делать определенные выводы, но теоретические выкладки необходимо проверить на практике, у нас же, к сожалению, нет ничего подходящего для проведения эксперимента.

«Я почти угадала, – мелькнуло в голове. – Хотя он наверняка о многом умолчал».

– Значит, если ваши новые методы сработают, то вот здесь, – я по примеру посла обвела заштрихованную область рукой, – можно будет добыть еще очень много угля?

– Именно, ваше величество! Вероятно, первоначальные затраты окажутся немалыми, но это оправданный риск. Полагаю, предприятие окупится со временем. Мы можем предоставить расчеты, и…

– О, прошу вас, с расчетами – к его превосходительству! – в притворном ужасе произнесла я. – Боюсь, я мало что пойму в этой цифири… Тем не менее мне нравится ваше начинание, сударь. При таких масштабах… сколько появится рабочих мест для бедных людей! Наверно, те шахтеры, что остались не у дел после закрытия шахт, еще не успели забыть свое ремесло, вдобавок у них подросли дети… Думаю, они с превеликим удовольствием вернутся в родные края!

Посол как-то странно переглянулся со своим секретарем, потом снова уставился на меня. Я же покосилась на канцлера: взгляд его сделался напряженным, даже

хищным. Графиня же Ларан смотрела на меня одновременно тревожно и недоуменно.

– Боюсь… боюсь, об этом преждевременно говорить, ваше величество, – выговорил наконец посол. – Прежде чем возможно будет перейти к разработке, потребуется произвести множество изысканий. К тому же шахты подтоплены, и на то, чтобы откачать воду, также уйдет немало времени.

– Ничего страшного. К слову: полагаю, помощь тех, кто работал там прежде, придется кстати, как вы полагаете? Они ведь изучали эти шахты изнутри, а не только снаружи… и по документам, как вы. Я права, ваше превосходительство?

– Вполне, ваше величество, – сдержанно ответил канцлер.

– Можно отыскать тех людей? Инженеров, старших мастеров или как они называются?

– Разумеется.

– Тогда прикажите заняться этим немедленно. Чем раньше начнется работа, тем скорее обе стороны получат желаемое, не так ли?

– Ваше величество… – Посол негромко кашлянул. – Боюсь, мы вынуждены отказаться от вашего, вне всякого сомнения, лестного предложения.

– Не понимаю…

– Видите ли, при работах по откачке воды, а также при дальнейших исследованиях и добыче мы намерены использовать новейшие изобретения наших инженеров. Работать с ними могут только хорошо обученные сотрудники, к тому же…

– Это строго секретно? – улыбнулась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kira-izmaylova/staroe-plat-e-korolevy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити